

84(2Рос-4Кем)
К 93

АЛЕКСАНДР
КУРИЦЫН

**Я болею
тобой**

СТИХИ

59554-7 ✓
© уваженнее
автор Курцын

Кемерово
«Сибирский писатель»
1999

аб

ББК 84. ЗР7
К 93

Автор благодарит руководство ОАО
«Угольная компания “Беловоуголь”»
и ее генерального директора **Золотых С. С.**
за финансовую помощь в издании книги.

Литературно-художественное издание

Курицын Александр
Я БОЛЕЮ ТОБОЙ

С т и х и

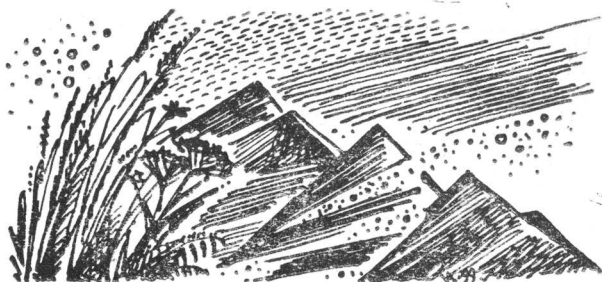
Редактор *В. М. Баянов*
Художник *В. П. Кравчук*
Технический редактор *Р. П. Макарова*
Корректор *В. А. Волкова*

Издано по лицензии Союза писателей Кузбасса
ЛР № 030775

Сдано в набор 8.11.99 г. Подписано в печать 20.02.2000 г.
Формат 70×90^{1/32}. Гарнитура Литературная. Печать
высокая. Усл. п. л. 5,56. Тираж 1000 экз. Заказ 2264.
Цена договорная

Издательство «Сибирский писатель»
650099, пр. Советский, 40
Типография ГУВД

© Курицын А., 1999
© Кравчук В., худ., 1999

Судьба шахтерская

ШАХТЕРЫ — ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ НАРОД

Шахтеры — удивительный народ.
Вся живность на земле стремится к свету.
А у шахтеров все наоборот:
Он лезет вглубь, вгрызается в планету.
И уголек, что миллионы лет
Земля от всех надежно укрывала,
Копает, выдает на белый свет.
Нахально, как из своего подвала.
Он роет в чреве матушки-Земли
Длиннющие ходы и переходы,
А по лицу ее давно пошли
Прыщи отвалов вынутой породы.
Но и старушка тоже не проста.
И своего не уступает даром.
Разит внезапно, как из-за куста,
То взрывом, то завалом, то пожаром.
А уж подарком точно наделит.

Преподнесет верней, чем по прогнозам,
К десятилетию — радикулит,
А в двадцать — поощряет силикозом.
Шахтеры — удивительный народ!
Шутить способны на ступеньках плахи.
А шутки солоны, как едкий пот
На до пупа распахнутой рубахе.
Иной полузадавленный мужик
Смеется над собой, от боли серый,
А попадись такому на язык,
Уж он тебе отпустит полной мерой.
А этот с виду штатный зубоскал,
Не может ни минуты без подначек.
Но за друзей пойдет в любой завал,
Не спрячется. А это много значит!
Сто грамм для друга он всегда найдет,
Поделится последней сигаретой...
Шахтеры — замечательный народ!
Горжусь, что я прописан в касте этой!

НЕ МАНИ МЕНЯ, СТЕПЬ...

Не мани меня, степь кулундинская,
Ожерельем лазурных озер.
Слишком много осталось здесь близкого,
Чтоб тебя я из памяти стер.

Помню избы твои обветшалые
И чуманский задумчивый плес,
Материнские руки усталые,
Скрип разбитых тележных колес.

Этот скрип, будто песня кандалная,
Несся вдаль, злую долю кляня,
А степная дорога прощальная
От беды уводила меня.

Там, где дикие горы кузнецкие
Зеленели под сводом небес,
Отогрелись сердца наши детские,
Принял нас на довольствие лес.

Там пропахшая духом смородиным
В родниках голубая вода.
Стал Кузбасс нашей новой родиной
И останется ей навсегда.

Не кори меня, степь кулундинская.
Я с тобой повидаться успел.
Ты все та же, родная и близкая,
Но к Кузбассу душой прикипел.

СТОИТ СТАТЬ ШАХТЕРОМ

Поэт России Николай Некрасов
Нашел когда-то грустные слова
Про деревенского малютку Власа,
Который на лошадке вез дрова.
И басовито говорил с укором,
Что двое «пашут» — семеро едят...
Он мне напомнил нашего шахтера,
В чью миску тоже многие глядят.
Реформы, займы, фонды и налоги...
Детишек нет — бездетность оплаты
(Когда, того гляди, протянешь ноги,
Какие дети, Господи, прости?)
Он дышит пылью, он грызет породу,
Полжизни под землей, во тьме, как крот,
Он поглощает окись углерода и выдыхает
сероводород.

Зато когда, как в знаменитой песне,
Шахтер с зарей выходит на-гора,
Все беды прочь, дыши, пока не треснешь,
И солнцу и теплу кричи: «Ура!»
Душа ликует. Все отрадно взору:
Отстойники, отвалы, бункера...
Ей-богу, братцы, стоит стать шахтером,
Чтобы хоть раз подняться на-гора!

ТОСКЛИВАЯ ПЕСНЯ

Я помню, как Мама сидела
За старым дощатым столом,
Чинила одежду и пела
Печальный напев о былом.

Я песен наслушался разных,
Но этой не знал до сих пор —
«По улице темной и грязной
Идет горемыка-шахтер».

Нехитрая песня пугала
Своей безысходной тоской,
И Мама тихонько вздыхала,
Слезу утирая рукой.

И вот, когда время минуло,
Мне вспомнилась песенка та.
В шахтерские семьи шагнула
С холщовой сумой нищета.

Деревня совсем оскудела.
Заводы и шахты встают.
Скитаются люди без дела
И от безысходности пьют.

Богатства российские тают.
Все больше протянутых рук.
Старушки о смерти мечтают,
Как об избавленьи от мук.

Спасибо, отцы-демократы,
Вы сделали дело свое.
Лишили работы, зарплаты,
Людей превратили в зверье.

Несчастья и беды успели
Пристроиться в каждой семье.
Опять, как когда-то, запели
О горькой шахтерской судьбе.

ЦЕНА ДЕШЕВОГО УГЛЯ

От взрывов рушатся забои,
Как будто вновь война пришла.
И словно павших с поля боя,
Несут шахтерские тела.
Отплачут жены и невесты.
Парней на кладбище свезут.
И похоронные оркестры
Над ними прохрипят Слезу.
Друзья по древнему закону
Придут погибших помянуть
И будут петь про коногона,
И водку горькую тянуть,
И материться втихомолку,
Что жить так больше нету сил
И что шахтерские поселки
Теряются в кольце могил.
И что уже вместить не может
Могил Кузнецкая земля.
Что с каждым годом все дороже
Цена дешевого угля.

* * *

Перешагнув через порог,
Непроизвольно обернешься
С надеждой, что поможет Бог,
И ты сюда еще вернешься.

Через себя перешагнув,
Вдруг запоздало замечаешь —
Душе покоя не вернув,
Ты часть ее навек теряешь.

Уже несбыточны мечты,
И не судьба, увы, повинна,
Что ты теперь уже не ты,
А лишь податливая глина.

ЗАСТОЛЬНАЯ

Мы соберемся за столом,
Нальем вина в стаканы
И просто вспомним о былом,
Пока еще не пьяны.

Нас шахта повязала всех
Единою судьбою.
Так выпьем же до дна за тех,
Кто в этот час в забое.

Чтоб крепь надежною была,
Чтоб воздуха хватило
И чтоб гора не подвела,
Живыми отпустила.

Не говоря дежурных фраз,
Мы просто молча встанем,
Тех, кто не вышел на-гора,
С прискорбнем помянем.

Пьем за друзей, что в трудный час
Не подведут, не бросят,
За то, чтоб никогда не гас
Тот свет, что в сердце носят.

Мы пьем за небо на заре,
За теплые ладони
Любимых жен и матерей,
За мир и счастье в доме.

ОБРЕСТИ ЛИЦО

Словно в полуденном мареве,
Все нереально и зыбко.
С неба струится палевый,
Дышащий зноем свет.
Что-то давно перестали мы
Утро встречать улыбкой?
Или настолько устали мы,
Что сил улыбаться нет?

Смотримся, как прохожие,
Случайно зашедшие в гости,
Все друг на друга похожие —
Сонмища близнецов.
Мысли, слова расхожие,
Ни радости в них, ни злости,
Как семена невсхожие...
Тошно смотреть в лицо.

Многие силы тратили,
Чтоб выставить нас такими,
Старательно конопатили
В души нам серый мох
Безверия и апатии,
Чтоб человечесье имя
Мы навсегда утратили,
Забыли, что дал его Бог.

Нет, не процессом зачатия
Отличны мы от растений.
Но как мы бездушно тратили
Наследие наших отцов!
Чтоб избежать проклятия
Будущих поколений,
Надо стряхнуть заклятие
И обрести лицо.

* * *

Спокойно что-то в «угольной структуре».
Гнетущая, густая тишина.
И не понять — затишье перед бурей
Иль пропасть летаргического сна?

Хотя назвать спокойствием едва ли
Возможно гробовую тишину.
Немало шахт покоится в отвале,
А сколько их, бедняг, идет ко дну!

Поток несчастий выдавил запоры,
И новый класс разлился по Руси.
Класс под названием «НИЩИЕ ШАХТЕРЫ».
Не дай, Господь, погибнуть им! Спаси!

Не погуби, Страна, шахтеров славу.
Ведь ты не сможешь выжить без угля.
Сними, как накипь, алчную ораву,
Что нынче копошится у руля.

ШАХТЕРСКОЕ БРАТСТВО

Нас разогнали по углам,
Закрыв границы на запоры,
Но несмотря на весь бедлам
Мы все же братья. Мы шахтеры.

Есть в жизни множество помех.
У всех проблемы в этом мире,
Но лишь у нас — одна на всех —
С названием «Це Аш Четыре».

По виду формула проста
И дилетанта не смущает,
Но это лютей враг — метан,
А враг ошибок не прощает.

Он навязал нам вечный бой,
А мы и не бежим от битвы.
Ведь мы обречены судьбой
Всю жизнь ходить по жалю бритвы.

И если взрыв произойдет
На шахте, даже не в России,
То сердце болью изойдет,
Собьется с ритма от бессилья.

Боль затуманит нам глаза.
И пусть не знали мы друг друга.
Скупая горькая слеза
Сползет на вырубленный уголь.

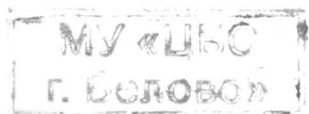
МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Бродила толстая луна
По звездно-золотому лугу.
Жевала звездочки она,
И звезды падали с испугу.

Она брела из края в край,
Утробу набивая ими,
И наполнялось через край
Ее чудовищное вымя.

Оно сочилось молоком.
И до господнего порога
По небу вольно, широко
Стелилась млечная дорога.

А-45965

У ПОРОГА

Да, в жизни что-то верно, что-то ложно,
Есть пустяки и то, что не простить.
Одно неколебимо, непреложно —
За все и всем придется заплатить.

Платить придется по большому счету.
Измотанный в метаньях и борьбе
Его за все ошибки и просчеты
Ты у порога выставишь себе.

Когда, листая бытия страницы,
Вновь проживешь свой каждый взлет и сбой,
Твои деянья длинной вереницей
В последний раз пройдут перед тобой.

Ты все поймешь, переосмыслишь снова,
О многом будешь горько сожалеть,
Судить себя за промахи сурово,
Но их уж не исправить, не стереть.

Но ты иди, карабкайся, срывайся,
Цепляйся за непрочный тверди край.
А человеком все же оставайся
И честь свою и совесть не теряй.

АГОНИЯ

Шахты, как и люди, умирают,
Не успев, бывает, одряхлеть.
Кое-где работают, стараясь
Смерть отсрочить, выжить, уцелеть.

А другие, покорясь судьбине,
(Не минует то, что суждено),
Копошатся, как в болотной тине,
Опускаясь медленно на дно.

Слово «закрывают» как-то сразу
Оглушило, подтолкнуло вниз.
Страх перед грядущим, как проказа,
Разлагает шахтный организм.

Все как будто так же, как обычно, —
На работу, в мойку и в кабак.
Вроде и ругаются привычно,
Только все не то и все не так.

Будто каждый день идут на смену,
В воду, в грязь за жалкие гроши
Не живые люди — манекены
Без надежд, без веры, без души.

Их «спецы» ругают по привычке,
Разбегаясь по своим делам,
И шахтенка, взятая в кавычки,
Доживает с горем пополам.

А на сердце гадко и тревожно.
Этак жить шахтеру не к лицу.
И вздыхают парни безнадежно:
— К черту все! Быстрее бы к концу.

И уходит в поисках работы
Бывший авангард былой страны.
Видно, похоронные заботы
Легче наблюдать со стороны.

МИРАЖ

Солнце нещадно палит.
Дорога степная пылит.
Под сединой ковыля
Жаждой томится земля.

Воздух от зноя дрожит.
Бродят в степи миражи.
В царство бесплотных теней
Гоним напрасно коней.

Вдруг заблестит вода.
Видятся города,
Замки, фонтаны, пруды,
Сказочные сады...

Загнанный хрип коня...
Шпоры бока кровянят...
Только вперед, туда,
Где сказочный мир и вода.

Ветер качнул ковыль,
Поднял над шляхом пыль —
И ни садов, ни пруда —
Растаяло все без следа.

МУЖЧИНЫ ОСОБОГО СКЛАДА

Нынче редкий о вас вспоминает поэт
И не вам посвящаются пышные оды.
Кошельки вас не радуют звоном монет,
Хоть прошли под землей ваши лучшие годы.

Заурядных людей на работу в аду
Не заманишь ни длинным рублем,
ни наградой.

Только самые стойкие в шахту идут.
Вы, шахтеры, мужчины особого склада.

Вы приносите свет и тепло в каждый дом,
Каждый день выходя на-гора, как из боя.
Но не сломлены вы этим адским трудом
В угрожающих газом и пылью забоях.

Сколько раз вы стояли на самом краю,
Но ни разу не дрогнули в смутную пору.
За безмерную стойкость в труде и в бою
Слава вам и спасибо вам, братья шахтеры!

ПАМЯТЬ

На грязный, вытоптанный наст
Сегодня выпал снег пушистый,
Воздушный, радующий глаз,
Такой невероятно чистый.

И до весеннего тепла
Все будет повторяться снова —
На почерневший снежный пласт
Ложиться будет чистый, новый.

А наступившая весна
Пришла, ручьями зажурчала.
Пласт за пластом растаял наст,
Открыв обратный путь к началу.

Не так ли с памятью людской?
Наш мозг возможно так устроен,
Что новых впечатлений слой
Скрывает под собой бывшее.

И лишь когда придет финал
И мысли спутает усталость,
О прошлом вновь напомнит нам,
Увы, уж не весна, а старость.

РАСКРЫТАЯ ТЕТРАДЬ

Раскрытая тетрадь,
Ты девственно чиста.
Ты, как морская гладь,
Загадочно пуста.

Ты, как немой вопрос,
Как белое пятно.
Ох, как велик запрос!
(Да и немудрено.)

Листочек твой любой
Загадками богат.
Бледнеет пред тобой
Малевича «квадрат».

Кто знает, чье перо
В тебе оставит след?
И на какой вопрос
Последует ответ?

Возможно, ты блеснешь
Шедевром мудреца
Или в лицо плеснешь
Доносом подлеца.

Не ты несешь ответ
За зло и за добро,
В тебе оставит след
Всяк, в чьих руках перо.

Поэт, коль взял перо,
Во имя красоты —
Пиши, твори добро,
А не марай листы.

ШЕСТИДЕСЯТАЯ ВЕРСТА

Мчатся кони без дороги, целиной
И под солнцем, и во тьме, и под луной,
И летят они аллюром «три креста».
Впереди шестидесятая верста.

Мчатся кони и в ненастье, и в жару,
Задыхаясь от натуги на яру,
А по спинам хлещет плетка ямщика.
Заливает пот запавшие бока.

Сколько пройдено нехоженных путей!
На хребтах рубцы и шрамы от плетей,
А дорога и терниста, и крута.
Впереди шестидесятая верста.

Мчатся сивые аллюром «три креста».
Каждый год, как полосатая верста.
Сколько верст еще удастся протянуть?
Кнут ямщицкий не дает передохнуть.

Эх, пошли, родные! Дрогнула земля,
Замелькали перелески и поля.
Позади шестидесятая верста,
Поперек дороги — новая черта...

РОЖДЕСТВО

Когда приходит та святая ночь,
На всей земле глуша людские битвы,
Все суетное отлетает прочь,
Звучат слова рождественской молитвы.

А ночь тиха и сказочно светла,
И звезды, как рождественские свечи,
По всей земле звонят колокола,
Рождению Христа готовят встречу.

Мы празднуем рождение Христа
И просим дать терпения и силы
Под сенью православного креста
Сберечь многострадальную Россию.

ПАДАЕТ СНЕГ

Ветры лихие в урочище дремлют.
Тихо вокруг, как во сне,
А на изрытую мерзлую землю
Падает, падает снег.

Сонмы снежинок кружат в хороводе.
Вот и почудилось мне,
Что лихолетье навеки уходит...
Падает, падает снег.

Ляжет он белой повязкой на раны.
День повернется к весне.
Пусть она будет добра к россиянам...
Падает, падает снег.

ВОПЛОЩЕНИЕ МЕЧТЫ

Никогда я не жил на великой реке
И ни разу не хаживал в море,
Но томится душа в непонятной тоске
О штормах и о синем просторе.

Снятся мне иногда облака парусов
Под лазурной волной океана
И тугое гуденье манильских тросов,
И простуженный скрип кабестана.

Я люблю бесконечность дорог полевых,
Цепи гор за туманною дымкой,
Неумолчную песню лесов вековых
Над далекой таежной заимкой.

Не скакал я в степи на горячем коне.
Я обычный оседлый трудяга,
Только знаю, что с детства таится во мне
Пилигрим, неумемный бродяга.

До поры он тихонько сидит в уголке
Ко всему безучастен, послушен,
Но нет-нет и взбрыкнет в стихотворной
строке,
Растревожит мятежную душу.

И потянется тропочка из-под пера
Сквозь завесу дождя и тумана
На широкий простор, где качают ветра
Корабли на груди океана.

ПОЮТ КОЛЕСА

Дорожную песню играют колеса.
Заливисто вторит гудок.
Мелькают долины, холмы и откосы —
Привычный сибирский видок.

Взобравшись на полку в плацкартном вагоне,
Прижался щекою к окну,
И ласковый ветер горячей ладонью
Ерошит мою седину.

Смотрю, как на чудо, на эти просторы.
Ни смуты в душе, ни тоски,
И краешком уха ловлю разговоры —
Толкуют про жизнь мужики.

А мимо — деревни, проселки кривые —
Сермяжная Русь во плоти.
И мне козыряют столбы верстовые,
Желают удачи в пути.

ВЕЧНОСТЬ

Через года, через века
Неторопливым, мерным током
Течет могучая река,
Река без устья и истока.
Течет, вбирая по пути
Ручьи, речушки, речки, реки...
Не переплыть, не перейти
Ее отныне и вовеки.
Мы только миг по ней плывем,
Миг от рождения до смерти,
И наше плаванье прервем
На рубеже, где нам отчертит
Господь последнюю черту
Перстом решительно и строго.
Мы погрузимся в темноту,
Достигнув этого порога.
Но снова явимся на свет,
Как лучик, преломленный в призме,
И, может быть, оставим след
В иной нам неизвестной жизни
И вновь уйдем...
А сквозь века,
Сквозь будущее, в бесконечность
Все так же будет течь река
С таинственным названьем «ВЕЧНОСТЬ».

НА ПЕРЕПРАВЕ

Стальная нить паромной переправы,
Как нить судьбы, ее не удлинить,
Но эта, еле видимая нить,
Способна берега соединить
И разделить на левый и на правый.

Ползет улитка старого парома,
Распоряжаясь судьбами людей,
Везет навстречу счастью иль беде,
Следов не оставляя на воде,
Кого домой, кого-то прочь от дома.

И выпускает на дорогу жизни.
Бесстрастная послушница судьбы —
Бросает в пекло жизненной борьбы,
Где ждет кого-то зычный зов трубы,
Кого-то вопли плакальщиц на тризне.

Стальная нить паромной переправы,
Прямая, как летящая стрела,
От берега до берега легла,
Но сколько ни пыталась, не смогла
Соединить и правых и неправых.

МОЕ СЧАСТЬЕ В РОССИИ

Рвется ветер на волю,
Запутавшись в ивах,
Я шагаю по полю
Меж дубов молчаливых.

Я не праздню шатаюсь,
На судьбу не ропщу.
Я не день коротаю,
Свое счастье ищу.

Я распутаю ветер,
Полечу с ним за реку.
Ведь без счастья на свете
Жить нельзя человеку.

Полечу утром рано
Над речною волной.
Может, в дальние страны
Улетело оно?

Может, птицею скрылось
За крутые отроги?
Только сердце забилось
В непонятной тревоге.

Застучало так часто
И слышалось мне:
«Не ищи свое счастье
На чужой стороне.

Не ищи на чужбине,
В странах дальних и близких.
Ни в горячей пустыне,
Ни в лесах австралийских,

Ни в полуденной сини,
Ни в полуночной мгле.
Твое счастье в России,
На сибирской земле.

Здесь под песни и сказки
Тебя мама качала.
Здесь шахтерскою каской
Тебя жизнь увенчала.

Здесь, хмелея от страсти,
Ты любовь повстречал.
Значит, здесь твое счастье.
Здесь твой вечный причал».

ПОСЛЕДНИЙ АВТОБУС

Последний автобус на улицах сонных
Спешит по маршруту. В салоне светло,
А там, за рядами квадратов оконных
Расправила ночь вороное крыло.

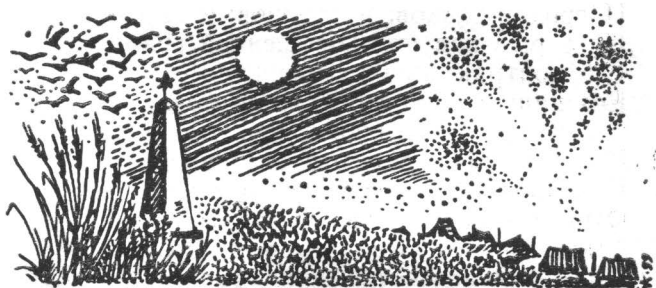
А время бежит за минутой минута.
Намаявшись, город устало затих.
Последний автобус идет по маршруту,
Увозит он в ночь пассажиров своих.

Веселых и грустных, хмельных и уставших
Увозит сквозь ночь в неизвестную даль
И радость успевших, и горечь отставших,
И чью-то разлуку, и чью-то печаль.

Он мчится сквозь ночь. Он один во Вселенной,
Не видя надеждою вспыхнувших глаз.
Не надо спешить. Ты ведь чей-то последний,
А может, и просто единственный шанс.

Как жутко отстать на пустынной дороге.
Так дай же им шанс, пожалей и поверь.
В тебе их надежда, и страх, и тревога.
Открой же пред ними заветную дверь.

Возьми их с собой, и больных, и уставших.
Дай шанс до конца свои песни допеть.
Дай Боже нам не оказаться в отставших
И хоть на последний автобус успеть.

Кружится смерть над головой

ЖЕРТВА

Он не сгорел в огне Афганистана.
Сквозь ад крошечной жизни фронтовой
Пришел домой издерганный, усталый,
Душою поседевший, но живой.
Он жизнь по Божьему закону строил.
Рукам рабочим дело находил.
И сына воспитал, и дом построил,
И дерево, конечно, посадил.
Мечтал, что скоро в дом войдет невестка
(Глядишь, окружит деда ребятня).
Но не сбылось. Казенною повесткой
Вломилась в дом кровавая Чечня.
Нет, он спасет от этой бойни сына.
Надел награды и в военкомат.
Герой Афгана жизнь понес на рынок,
Решил со смертью заключить контракт.
И снова кровь, и смерть, и боль утраты,

И грохот танков, и свинцовый шквал...
Но взрыв под ноги брошенной гранаты
Его контракт навеки разорвал.
Его нашли в крови на поле боя.
Он умер, не свершив всего, что мог,
Но сына спас, пожертвовав собою,
Исполнив свой последний в жизни долг.
Отныне сын погибшего солдата,
Такой ценой спасенный от войны,
По жизни понесет и боль утраты,
И тяжкий крест нечаянной вины.

БОГ НЕ ВЫДАСТ

Собирался мужик на войну,
Чтоб спасти от набега страну.
Уцепилась жена за кушак:
«Пропадешь, непутевый лешак!
Лучше б дома ты, старый, сидел,
Брагу пил да «Марию» глядел.
А пойдешь басурмана имать,
Он покажет те Кузькину мать».
Отмахнулся мужик: «Ничего!
Мы еще поглядим, кто кого!
Не загадывай, бабка, вперед.
Бог не выдаст, свинья не сожрет!»
Сунул в пазуху сало и хлеб,
Взял дубовый испытанный цеп,
Четвертинку у женушки спер
И на ворога буром попер.
А злодей уж поганит страну
И грозит: «Всех сожгу и сомну!
Предо мной все живое дрожит!
Берегись, сиволапый мужик!»
Матюкнулся мужик: «Ничего!
Мы еще поглядим, кто кого!
Не грозись, басурман, наперед!
Бог не выдаст, свинья не сожрет».
Тут и вовсе злодей осерчал,
Саблю выхватил, как зарычал...
А мужик ему: «Тихо, милоч!
Я те щас причешу хохолок!»

Он цепом тяжеленным взмахнул,
Как по бритому лбу звезданул,
А потом по загривку хватил...
Басурман и глаза закатил.
Поделом тебе, щипаный гусь,
Не замай православную Русь
И запомни, злодей, наперед:
«Бог не выдаст, свинья не сожрет».
Басурмана мужик победил
И с позором назад проводил,
Бросил наземь оружие свое
И присел отдохнуть на жнивье.
Четвертинку в руке раскрутил,
Выпил, крикнул, сальцом закусил.
И, лаптями шурша по стерне,
Полегоньку потопал к жене.
Хорошо на душе оттого,
Что побил он врага своего.
Знать недаром толкует народ:
«Бог не выдаст, свинья не сожрет!»

ВОСПОМИНАНИЯ О ДНЕ ПОБЕДЫ

Я помню тот великий день страны,
Он до сих пор стоит перед глазами.
Соседи возвращаются с войны,
А мать рыдает горькими слезами.
Мне было три, когда отец связист,
Исполнив долг, погиб под Ленинградом,
Остался маме похоронный лист
Да семь голодных детских ртов в награду.
Как выжили, не стоит вспоминать,
Как зайцы ели корешки да травы,
И из последних сил тянулась мать,
Чтоб накормить голодную ораву.
Однажды, сквозь мороз и темноту
С работы шла, но подкосились ноги
И, ощущая в легких пустоту,
Упала в снег лицом, на край дороги.
Тот вечер стал бы роковым для нас,
Но, видно, было так угодно Богу,
Сосед китаец мать от смерти спас,
Принес ее к родимому порогу.
Мы жалкою, испуганной гурьбой
Всю ночь сидели у ее постели
И горькими слезами и мольбой
Ее у смерти отмолить хотели.
И вот пришла победная весна,
Слезами и улыбками сверкнула.
Солдат домой отправила она,
А нам отца-кормильца не вернула.

И все же мама вырастила нас.
Все положила: жизнь, здоровье, силу,
Тепло до срока выплаканных глаз,
И тихо, как жила, сошла в могилу.
А жизнь идет, а годы чередой,
Стремительные, как в калейдоскопе,
Еще не жил почти, а уж седой
И подустал на жизненном галопе.
Но каждый год, когда приходит май,
Тот первый день всегда перед глазами.
Бушует праздничная кутерьма
И плачет мама вдовьими слезами.

ДУЭЛЬ

Пальцы небрежно коснулись щеки,
Но заглушили сумятицу бала.
Белою птицей сорвавшись с руки,
Вестником смерти перчатка упала.

И развела их по двум берегам.
Мост подожжен. Догорит на рассвете.
Мир так велик, но отныне врагам
Тесно вдвоем на огромной планете.

Белое поле. Погост на бугре.
Двадцать шагов от зари до заката.
Вздрыгнула дважды земля на заре.
Эхо плеснулось вороньим набатом.

Чаша вражды расплескалась до дна.
Кровь на пушистом снегу заалела,
Словно пролитые кем-то спяна,
Винные капли на скатерти белой.

ДВЕ ВЕСТИ

Как во поле чистом,
Через сто дорог
Вольный ветер мчится
В дальний хуторок.

Там, в убогой хатке
Долго ждет вестей
Бедная солдатка
С кучею детей.

Мчится вольный ветер,
Клонит лебеду
И несет две вести —
Радость и беду.

В первой он поведал,
Что пришла весна.
Что большой Победой
Кончилась война.

Что молчат орудья,
Что жива земля,
Что выходят люди
С плугом на поля.

Весточка вторая
Ноченьки черней.
Ветер уж не знает
Как сказать о ней.

Что на поле бранном
Есть большой курган.
Спит под тем курганом
Мертвым сном Иван.

Грянулась Татьяна
О землю, чуть жива.
Женушка Ивана,
Горькая вдова.

С той поры Татьяна
Будто не жила,
Все ждала Ивана.
Так и померла.

Полвека минуло
Как окончен бой.
Раны затянуло,
Притупилась боль.

Но в дожди-туманы,
В память о войне
Стонут ветераны,
Мечутся во сне.

А в мае, когда краски
Выплеснет салют,
На могилах братских
Вдовы слезы льют.

РАЗВЕ ДУМАЛ СОЛДАТ?..

Разве думал солдат, измотавшись в боях
до предела,
Свою грудь подставляя под свинцовые струи
огня,

Что полвека спустя распадется страна
на уделы
И запачкает кровью российские власти Чечня?

Разве думал солдатик, убитый в степях
Подмосковья,
На пути у врага воздвигая последний заслон,
Что полвека спустя над печальным его
изголовьем
Воцарится не Божий, а волчий кровавый
закон?

И не ведал солдат, что священные клятвы
нарушат,
По великой стране расползутся неправда
и зло,
Все, что он защищал, продадут, испоганят,
разрушат.
Он не видел позора. Хоть в этом ему повезло.

Я печально стою над убогой солдатской
могилой
И стараюсь представить, какими он
мыслями жил.
Он о счастье мечтал для себя и для Родины
милрой
И за это в бою свою юную жизнь положил.

БОГАТЫРСКИЕ ЗАСТАВЫ

Упала ночь на порубежный лес,
Накрыла степь и древние курганы,
А лунный серп, прорезав свод небес,
Блеснул во мраке жалом ятагана.
В глухую полночь склоны разошлись,
И на курганы из глуби разломов
В пробитых латах стражи поднялись,
Сверкая сталью копий и шеломов.
Бойцы валежник на курган несут.
Кресало сухо чиркнуло о камень,
Коснулся сушняка затлевший трут
И пламя, вспыхнув, оттолкнуло темень.
И, как по мановению руки,
Цепочкой от кургана до кургана
Зажглись огни костров, как маяки,
Храня святую Русь от басурмана.
На рубежах ее звенят в ночи
На страх врагам с заката до рассвета
Дружины святославовой мечи,
Меч Невского и пика Пересвета.
Незримые, из глубины веков
Идут ночами пращурь в наряды,
Под тихий звон испытанных клинков
Шагают с пограничниками рядом.
И в том, что Русь пока еще крепка,
Еще не перестала быть державой,
Повинна, пережившая века,
Святая память русской ратной славы.

ПОКИНУТЫЕ

Стрелковый полк на танковой броне
Уходит из Чечни к родимым хатам,
Сказав адью оставленным в Чечне
В неволе девятнадцати ребятам.

Солдаты едут, опустив глаза,
В молчании угрюмом ряд за рядом.
Они стыдятся посмотреть назад,
Чтобы случайно не столкнуться взглядом.

Там узники в стреляющих горах,
Отрезанные каменным забором,
Испытывая боль, обиду, страх,
Глядят им вслед с надеждой и укором.

Их взгляды молят, требуют, зовут
И сквозь одежду обжигают спину.
Они еще надеждою живут,
Не верят в то, что братья их покинут.

Угрюм, враждебен каменный аул.
Весь мир оделся в черные одежды,
Когда внизу затих моторный гул,
И с ним угас последний луч надежды.

РУССКИЙ СОЛДАТ

Когда война в наш дом пришла,
Простившись, он шагнул с порога,
И закружила, понесла
Его военная дорога.
Он четверо сапог сносил,
Пока управился с врагами.
Четыре года грязь месил
До крови сбитыми ногами.
И пусть героем он не стал,
Но он в бою всегда был рядом,
И танк снарядом не достал,
А только подносил снаряды.
Пусть не ходил через посты
За «языками» спозаранку,
А просто наводил мосты
И под огнем крутил баранку.
Но где бы он ни бедовал
(Горел в огне, тонул в болоте),
Свою Победу он ковал
В тяжелой воинской работе.
Без передышки, под огнем,
От копоти и горя черный,
Он шел к Победе день за днем,
Неторопливый, но упорный.
Он не отдал врагу страны,
В аду остался человеком
И дал возможность без войны
Стране прожить почти полвека.

ВОРОНЫ

Когда мы начали развал, раздел по нациям,
Угроза зрела и в словах, и в интонациях.
И вот уж все орут «МОЕ» до исступления.
Сучит ногами воронье от нетерпения.

Мы все лелеяли мечту, что станем Крезами,
Когда живьем свою страну на части резали.
Хлестала кровь во все концы из жил
разорванных,
А на кровавые рубцы слетались вороны.

Роднились с юртами дома и сакли с хатами
И за соседских сыновей девчонок сватали.
Теперь ни хаток, ни домов, лишь трубы
черные.

Над обожженной землей кружатся вороны.

Идет в Осетии война, война в Молдавии.
Взялись за ружья мужики, плуги оставили.
Увязнув в старых бороздах, ржавеют бороны,
А на заброшенных садах гнездятся вороны.

По Карабаху бродит смерть и по Абхазии,
А по дорогам — беглецы из Средней Азии.
Они бредут с земли родной в чужую
сторону,

А позади за их спиной пируют вороны.

Сегодня нас нельзя назвать людьми
забитыми.

Мы все свободны убивать и быть убитыми.
Вглядитесь в лица матерей от горя черные,
Чьих сыновей и дочерей склевали вороны.

Скажите, от чего они теперь свободные,
Когда пожарища кругом, поля бесплодные,
Когда вражда среди людей, все узы порваны,
Когда на трупах их детей жируют вороны?

О ЧЕМ ЗВЕНЯТ МЕДАЛИ?

Закончилась афганская война,
Насытившись солдатской кровью.
Одних почти не тронула она,
В других навек вошла щемящей болью.

Афганцы возвращаются домой.
У многих на груди блещут медали,
Звонят о братьях, отнятых войной,
Убитых там, в пропахшей кровью дали.

Пятнадцать тысяч молодых ребят
Легли среди камней Афганистана...
— На то война?— но оглянись назад
И встанет Сорок Первый из тумана.

Тогда мы потеряли полстраны
По милости того, кто правил нами.
Кричали на весь мир, как мы сильны,
А против танков вышли со штыками.

Потомки имя проклянут его,
До гроба не забудут ветераны,
Как тех, кто шли на подвиг за него,
Он истреблял с жестокостью тирана.

А лучше ль тот старик, что без стыда
В ущелья диких гор Афганистана

Зеленых новобранцев, как стада,
Погнал бездумно под ножи душманов.

Их второпях садили в самолет,
Надев, как крест, на шею автоматы...
И совершили свой последний взлет
Птенцы, произведенные в солдаты.

Не правда ли, как братья-близнецы,
Похожи эти страшные сюжеты.
Виновны в них «отчества отцы»,
А гибли матерей российских дети.

Не хватит ли играть в конце концов
Судьбой и жизнью русского солдата,
Бросая в бой неопытных юнцов,
Впервые взявших в руки автоматы.

Закончилась Афганская война,
Не принесла ни пользы нам, ни славы.
О, если б образумила она
Охотников до роковой забавы!

АГРЕССИЯ

Кружится злая смерть над головой.
Опять на острие штыка Балканы.
Один лишь шаг до Третьей Мировой,
И рухнет Мир такой непостоянный.

Еще не все ушли, кто воевал,
Кто к жизни шел сквозь смерть, не зная
страха.

Так кто же допустил такой провал,
Что оказался Мир на грани краха?

Конечно, и на нас лежит вина.
В глазах потомков мы виновны будем,
Что некогда Великая Страна
На откуп отдана продажным людям.

Тому, кто с Билли пил на брудершафт
И хвастался мужской любовью с Кодем,
Летал кутить «на импортный» ландшафт,
Хотя сгущалась тьма над русским полем.

Твердил, что у России нет врагов,
Отправил щит страны на переплавку,
Загнав Россию в кабалу долгов,
Своей рукою затянул удавку.

И вот в Европе запылал пожар
Над прахом миротворческих усилий.
Нет, это не по Сербии удар,
А звонкая пощечина России.

Россия, честь твоя оскорблена.
Ты дождалась коварного удара.
Опять смолчишь, Великая Страна,
Или спасешь Европу от пожара?

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Всего лишь минута. Минута молчания.
А что позади? Боль, утраты, отчаянье
И страшная сила подземных толчков,
И тяжесть обрушенных потолков,
И трупы детей под обломками зданий,
И капельки жизни под толщей страданий,
И радость спасенья, и горечь утрат.
Здесь мертвые рядом с живыми лежат.
Бесстрастное время размеренно льется.
Все меньше надежд у живых остается.
Порой под обломками слышится стон,
Как будто от жалости плачет бетон.
Одна лишь минута. Минута молчанья.
А дальше? Разлука и слезы прощанья.
Земли сахалинской прощальная горсть
С могилы с названием «Нефтегорск».
Потом еще будут комиссии разные,
Решения дельные и несуразные
Со ссылкой на прошлый ошибочный путь...
Но тысячи жизней уже не вернуть.
И не забыть эту боль и отчаянье
От страшных минут до минуты молчания.

НА ТОНКОМ ЛЬДУ

Снова над Сербией черные тучи.
Кровью безвинных сочится земля.
Мрачно безмолвствуют горные кручи.
Язвы воронок покрыли поля.

Словно вернулись зловещие тени,
Призраки прошлой жестокой войны,
Чтоб раздавить, опустить на колени
Гордый народ непокорной страны.

Взрывы гремят, полыхают пожары,
Враг беспощаден, коварен, жесток.
Грудью своей отражая удары,
Сербы с надеждой глядят на восток.

Там за тремя рубежами Россия
Два континента прикрыла собой.
Только ее исполинская сила
Может пресечь этот дикий разбой.

Чем оправдать их Великую Веру?
Как отвести от собратьев удар.
Чтоб укротить, обезвредить Хиимеру,
Не раздвывая вселенский пожар?

Как раскрывать безоглядно объятья,
Новых друзей к себе в дом приводить,
Если вчерашние кровные братья
Нож нороят под лопатку всадить?

Как разобраться в кровавом Содоме,
Стоя над бездной на тоненьком льду,
Зная, что смутно и в собственном доме?
Сами живем, как в кромешном аду.

* * *

Дворцы и лачуги в руинах лежат
И над пепелищами вихри кружат.
Безлюдной пустынею стала страна,
Свинцовым дождем ее хлещет война.

Свалилась война на безвинный народ,
И жизнь совершила крутой поворот.
Вспороли сигналы сирен тишину,
Крылатые тени накрыли луну.

Пепел и тлен в разоренной стране.
Жизнь человека упала в цене.
Вспахана бомбовым плугом земля.
Сталь и свинец засевают поля.

Сила уже подменяет закон.
Новую башню возвел Вавилон.
Люди друг друга не могут понять,
Жизнь за копейку готовы отнять.

Попрано право свободной страны,
Смерть и огонь — аргументы войны.
Слабых границы уже не спасут.
Грубая сила — вот право и суд.

Не надо лицо под удар подставлять
Тому, кто привык в беззащитных стрелять.
Не применимы заветы Христа
К тем, кто без чести, души и креста.

РАЗМЫШЛЯЙ О ЖИЗНИ

Стемнело. Я не сплю, хоть и устал.
Жрут комары, как вороны на тризне.
Чтоб не смотреть треклятый сериал,
Бью комаров и думаю о жизни.

Подумать только, сколько тысяч лет
Живет на свете человечье племя,
А мира в нем как не было, так нет.
Не вразумляет ни беда, ни время.

Друг друга бьют неведомо за что:
В одном краю иного цвета люди,
В другой стране правительство не то,
А третью просто кто-нибудь не любит.

И то сказать, какая тут любовь,
Когда в родной стране сосед по дому
Соседу норовит испортить кровь,
Поскольку оный мыслит по-иному?

А им-то, кстати, нечего делить.
Все и без их участия поделили.
Чего ж друг друга попусту пилить,
Коль сами суп себе пересолили?

Все начиналось с памятного дня,
Когда костер в квартире запалили.

Хотели лишь погреться у огня.
Опомнились, когда весь дом спалили.

Мораль: не чиркай спичкой сгоряча
Во вред себе, народу и Отчизне.
А хочешь руки почесать, с плеча
Бей комаров и размышляй о жизни.

Гаснет нации русской свеча

В КОЛЬЦЕ

Обложили. Кругом обложили
Весь народ, будто стаю волков.
Всех опутали, всех окружили
Бесконечною цепью флажков.

Люди мечутся в замкнутом круге.
Чувство страха острее и острее.
Не прорваться. Напрасны потуги.
Беспощадны глаза «егерей».

Бьют налогами, душат ценою,
Безработицей хлещут сплеча.
Стоп набатом плывет над странюю.
Гаснет нации русской свеча.

Много бед нам ниспослано небом
За бездарность «хозяев» страны.

Но чтоб в шахту спускались без хлеба!?
Это хуже, чем в годы войны.

Вместо празднеств — голодные будни.
Может, крикнуть «наверх» во весь рот:
— Эй, вы там! Вы же русские люди!
Что ж вы губите русский народ?

Вы нам головы сказкой вскружили,
Вместо хлеба посулы даря.
Обложили вы нас, обложили,
Словно стаю волков егеря.

РАЗГОВОР С НАХИМОВЫМ

На скале, над тревожно застывшею бухтой
Одиноко сидит седоусый моряк.
Опустил на колени тяжелые руки.
Словно жилы, синеют на них якоря.

На дубленном лице, будто шрамы, морщины,
От соленого ветра поблекли глаза.
Глухо бьется о скалы морская пучина,
А тяжелая капля на щеке, как слеза.

Чайки белыми хлопьями кружат над бухтой
И заходятся в крике, предвещая шторма,
А седому матросу померещилось, будто
Среди лета над морем закружила зима.

И как будто не море грохочет о скалы,
Сотрясая окраины крымской земли,
А из братской могилы встают адмиралы,
Что за крымскую землю в боях полегли.

Поднялись, огляделись, фуражки надвинув,
По гранитным обломкам взошли на утес,
Подшли к моряку, и промолвил Нахимов:
— Как же вы эту землю отдали, матрос?

Мы одиннадцать месяцев насмерть стояли,
Шли в огонь, не щадя живота своего,
Почему же вы наш Севастополь отдали?
Как же флоту российскому жить без него?

— Ты за Крым не вини моряков,
Пал Степаныч, —
Отвечает Нахимову старый моряк. —
Не тревожь, адмирал, незажившие раны,
Что в сердцах черноморцев пожаром горят.

Нет, не пал Севастополь в военном пожаре.
Мы не хуже, чем вы, защищали его.
Он по пьяному делу соседям подарен
Вместе с теми, кто кровь проливал за него.

Нас отдали, как быдло, гуртом, втихомолку,
Будто краденый, отняли русский кафтан,
Раскаленным трезубцем пометили холку
И напялили «жовтоблакитный» жупан.

Что правительствам нашим до чести России?
Что им Крым, коль готовы страну
распродать?

Мы ж за службу свою ничего не просили,
Кроме права за Родину жизни отдать.

И пока это право у нас не отняли,
Будем драться за русскую честь до конца.
Не дадим, чтобы флот с молотка распродали,
Ведь в груди кораблей бьются наши сердца.

И, увидев тревогу в нахимовском взоре,
Адмиралу поклялся российский моряк,
Что покуда шумит наше Русское Море,
Будет реять над бухтой Андреевский флаг.

НЕ ВАЖНО, КАКОЙ У ДЕРЖАВЫ ГЕРБ

Не важно, какой у Державы герб,
Лишь бы Держава была.
Будь это меч или молот и серп,
Бабочка и пчела...

Если Держава крепка и сильна,
Едина, как монолит,
Друзей и врагов выбирает она
Как ей Господь велит.

Если ослабли и тело, и дух
Или же разум подвел,
То не помогут ни лев, ни петух,
Ни даже двуглавый орел.

Гордо носила Отчизна свой герб,
Гимн не стеснялась петь.
Не всем по нутру были молот и серп,
Но приходилось терпеть.

Решили сменить «инструмент» на орла,
Колосья изгрызла мышь.
И вот уж соседи из-за угла
Машут на птицу: «Қыш».

Стало привычным указывать нам
Как нам в России жить.

Скоро, как пакостным пацанам,
Уши начнут крутить.

Тут бы вскипеть, возмутиться орлу,
Всех развернуть назад,
Взять бы березовую метлу
И дать наглецам под зад.

Но внутренний голос твердит: «Не блефуй,
Можешь попасть впросак.
А если Америка скажет «фу»,
Европа поймет не так?»

И тут у орла приключился запор,
Как будто он скушал скотч...
А, впрочем, об этом вести разговор,
Что воду в ступе толочь.

Главное надо усвоить себе —
Мала, велика ли страна —
Не важно, что у нее на гербе.
Она быть Державой должна.

ВЛАСТЬ

Нас всех обуревают страсти —
Кого к вину, кого к любви,
Но всех страшнее жажда власти,
Она возрастает на крови.

Какая сила в слове этом,
Таком коротком слове «власть»,
Сухом, как выстрел пистолета,
Хоть и созвучном слову «сласть».

О ней мечтают, бредят ею.
Дорога к ней крута, тесна,
Чем ближе к власти, тем теснее,
Но тем желаннее она.

К ней, как к любовнице, ревнуют,
Друг друга поедом едят.
Не то что друга, Мать родную
Из-за нее не пощадят.

Не терпит власть родства, соседства,
Законов нет в такой борьбе.
Здесь цель оправдывает средства.
Здесь думай только о себе.

Но уж никак не о народе,
Кишащем где-то там, внизу.
Народ для власти что-то вроде
Огромного бельма в глазу.

Но с ним она сумеет сладить,
Чтоб голоса себе добыть,
До выборов слегка погладить,
А после выборов забыть.

Да, нет страшнее этой страсти,
И жертв ее не перечесть.
За краткое мгновенье власти
И душу продают, и честь.

ВЛАСТЬ И МЫ

У нас тяжелый труд и рабский быт.
Нас унижают, словно мы рабы.
Да, мы рабы, но божьи, господа,
А вашими не будем никогда.

У вас богатство, власть, а мы бедны.
Не золотом, но правдою сильны.
А вы и перед Богом не честны,
Красны слова, но помыслы черны.

Я не скажу, что нет на вас креста.
Крест есть, но под крестом душа пуста.
Пусты и ваши планы, господа,
Не станем мы рабами никогда.

УЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Отправился «Петр Великий» в поход
Не ради прогулки, не в гости.
Идет на учение Северный Флот
Потешить высокого гостя.

Кильватерным строем идут корабли.
На флагмане реют знамена.
Сигары ракет исчезают вдаль.
Уносят в эфир миллионы.

На мостике в кресле расплылся Патрон,
Привыкший быть в центре вниманья.
И ради Патрона последний патрон
Бесследно растаял в тумане

Потешили душу Патрона пальбой.
Насколько хватило снарядов,
А он, как младенец, довольный собой
Хихикал под гром канонады

Очнувшись от звона пустых погребов,
Вернулась эскадра к причалам
Тиха и безвредна, как лев без зубов,
До лучших времен замолчала.

Надеясь на то, что склеротик-Патрон
В Москве моряков не забудет,
Подает им на бедность хотя бы патрон,
А то и ракету добудет.

НА ГРАНИ

Замызганный, расшатанный паром
Елозит по канату ржавым блоком.
Паромщик-дед скрипучим воротком
Ведет его по бурному потоку.

Старик лениво крутит вороток,
Держа рычаг неверными руками.
Все злее необузданный поток
Грозит сорвать паром, швырнуть на камни.

Стальной канат звенит, как тетива.
Рывок, и он не выдержит, порвется,
Паром подхватит пенящийся вал
И в бездну водопада с ним сорвется.

Удар мгновенно переломит киль,
Клыками разорвут обшивку камни,
И канет судно в водяную пыль
Бесформенными рваными кусками.

ПРОКЛЯТИЕ РОССИИ

Семь лет томится Русь во мгле.
Семь лет в стране бушуют страсти,
Семь лет бесчинствует в Кремле
Маньяк, помешанный на власти.

В нем оказалось столько зла,
Что наш народ, выдавший виды,
Фигура эта потрясла
Сильней чумы, проказы, СПИДА.

Посеяв злые семена,
Система породила монстра,
И вот огромная страна
Сегодня, словно жалкий остров.

Он посадил нас на иглу
Кредитов. Жалкий попрошайка
Россию тянет в кабалу
По сговору с валютной шайкой.

Ворует сам и все, кто с ним,
С невиданным остервененьем.
Народ ограблен, нищ, гоним.
Он платит хищникам презреньем.

Мне не понятно, как могли
Так промахнуться россияне,

Чтобы судьбу родной земли,
Свою судьбу доверить пьяни?

Какую жертву принесем?
Как много мы затратим силы
Покуда Родину спасем,
Смахнем проклятие с России?

РУССКАЯ АТЛАНТИДА

Гуляет по стране молва,
И есть для этого причина —
Земли российской острова
Пожрет японская пучина.

Конечно, их не продадут,
Их не возьмут японцы с бою.
Они соседям отойдут,
Как будто бы сами собою.

Так, как китайцам отошли
Все земли по реке Амуру.
Те просто в нашу жизнь вошли,
Как стая блох в собачью шкуру.

О, власть достаточно хитра,
Чтоб торговать страной открыто.
Идет не сделка, а игра,
В ней все должно быть «шито-крыто».

Слегка «прикрыли кислород»,
Оставив без тепла и хлеба,
И понял тамошний народ
Весь смысл слов «с овчинку небо».

Не дали курильчанам свет,
Заставив стыть под зимним солнцем,
И проложили первый след
В объятья жадные к японцам.

Так и «невинность» соблюдут,
Листочком срам прикрыв для вида,
И острова от нас уйдут
За горизонт, как Атлантида.

Потом исчезнет Сахалин,
А Билли приберет Камчатку,
И зачерствеет русский блин,
Жить обреченный всухомятку.

СТРАХ

Растоптаны, растерты в прах
Все вожделенные свободы.
В России поселился страх,
Опутавший ее народы.

Теперь один закон — кулак.
Преступники, как тли, плодятся.
И встречный уж не друг, а враг,
И все кого-нибудь боятся.

Но лишь один боится всех.
Следит настороженным взглядом.
Боятся, бедный, даже тех,
Кто много лет «крутился» рядом.

Боятся кары за Союз
И за расстрелянный парламент,
А преступлений тяжкий груз
Растет и все сильнее давит.

Страх жить спокойно не дает,
Он день и ночь над ним довлеет.
От страха он все больше пьет,
Умом скудеет и дряхлеет.

А впереди лишь тлен и мрак
Воображение рисует.
Ему повсюду мнится враг,
И он чиновников тасует.

А вдруг от власти оторвут,
А то и вовсе с кресла скинут?
А может, где-то рядом БРУТ
Уже кинжалом метит в спину?

Бойтся, что предъявят счет
За гибель армии, науки.
Но самый главный страх — народ,
Который он обрек на муки.

ЧУЖОЙ ХОМУТ

В Кремле была пьянка (в рабочее время).
Когда алкоголь затуманил мозги,
Кому-то вдруг стукнуло в лысое темя:
— Давайте оплатим царевы долги!?

Услышав такое, сперва онемели:
— Сдурел с перепоя! Какие долги?
Потом расхрабрились, и все загалдели:
— Оплатим и все! Чай, не хуже других.

К концу посиделки струхнули немножко:
— Платить-то платить, да где деньги найти?
— А что их искать?— Растворили окошко
И крикнули сверху:— Иван, заплати!

А в граде Париже хохочут французы,
Со дна сундуков достают векселя.
У русского Ваньки на ссохшемся пузе
Затянут ремень, а на шее — петля.

С такого, пожалуй, не взять и полушки.
Бессилен здесь и рэкетир с утюгом.
С досады «отцы» почесали макушки:
— Выходит, опять облажались кругом?

Потом, пораскинув мозгами немного,
Решили позиций своих не сдавать,
Идти до конца проторенной дорогой —
Занять у одних, а другим отдавать.

Вот так на Россню хомут натянули,
Заставив платить по чужим векселям.
А те, что в трясику страну затянули,
Карманы набив, поползли по Щелям.

КРУЖИТ ВОРОНЬЕ

Священники в храмах читают молитвы
И Господа молят врагов покарать,
И там, за холмами, не выиграв битвы,
Лежит на равнине побитая рать.

Там вволюшку смерть погуляла с косою,
Телами бойцов устилая жнивье,
Траву оросила кровавой росой,
На пир роковой созвала воронье.

Зловещая туча свет солнца закрыла.
Упала на землю крошечная мгла.
Как выстрелы хлопали черные крылья,
Железные когти терзали тела.

На вражеских трупах под старой ракитой,
Сквозь сумерки глядя в небесную ширь,
В блестящей броне, топорами побитой,
С иссеченной грудью лежал богатырь.

Терзаемый болью, он стискивал зубы.
И, чувствуя смерть над своей головой,
С трудом разомкнул пересохшие губы
И крикнул стервятникам: — Прочь! Я живой!

Сегодня кружит воронье над Россией.
От кровушки русской буреет трава.
Хватило бы Матушке воли и силы
Стервятникам выкрикнуть: — Прочь! Я жива!

ВОЗДУШНЫЙ ШАР

Пронесся вихрь. Разорваны растяжки
И прынул в небеса воздушный шар.
Как дикий конь, не знающий упряжки,
Он взвился, вольным воздухом дыша.
Внизу все стало мелким и убогим.
Таким непрочным стал привычный мир.
В корзине шара мечется в тревоге
Его пилот, скорее пассажир.
Все начиналось ярко и красиво.
Все на него смотрели снизу вверх.
Он взмыл над ними гордый и спесивый.
Он сам себе казался выше всех.
А купол шара тучи подпирает.
Не каждому по силам высота.
Пилота уж не гордость распирает,
А к горлу подступает тошнота.
Он в панике хватается за стропы...
Все предвещает скорую грозу.
Те, кто могли спасти от катастрофы,
Увы, остались далеко внизу.
И шар уже летит по воле рока,
Преодолев запретную черту,
И в струях нисходящего потока
Стремительно теряет высоту.
Нет. Это больше не было полетом.
Огромный купол съежился, погас,
А тот, кто называл себя пилотом,
Вдруг превратился в тягостный балласт.

СОМНЕНИЕ

Медленно капает, капает, капает время.
Капли-минуты сливаются в реки часов.
Давит на плечи сомнений тяжелое бремя.
Гири поступков ложатся на чаши весов.

Старыми клячами тащутся серые будни.
Резвым аллюром проносятся светлые дни.
Может быть, это наш крест и другого
не будет,
Или зажгутся во мраке тоннеля огни?

Жизнь — эта дикая всадница — нас оседлала,
Шпоры вонзила в бока и, привстав
в стременах,
Властным посылом препятствия брать
заставляла.
Брызгала с порванных губ кровавая слюна.

Время уходит в метаниях, поисках смысла.
Кажется, правильно жил, как и следует
жить,
Только на нитке сомнений тревога повисла,
Вечно грозящая рухнуть, подмять, раздавить.
В каждом из нас есть, наверное, капля
сомнения.
Жить без сомнений способен лишь круглый
дурак.

Капля сомнения спасает от грехопаденья,
Светлой душе не дает погрузиться во мрак.

НИЩИИ

В придорожную пыль опустился убогий
калека,
Изможденное тело, в глазах безысходности
мрак,
И униженно ждет: «Может, дрогнет рука
человека,
В заскорузлую шляпу уронит потертый
пятак».
Он поднимет монету, шепча: «Помоги тебе
Боже».
В благодарном поклоне согнется худая спина.
— Что ж, спасибо, старик, только вряд ли
Господь нам поможет,
Если нищею стала великая прежде страна,
Если рабскую сущность нам накрепко вбили
в сознание,
Кандалами апатии скованы наши умы,
Если плату за труд принимаем мы
как подаянье,
Значит, все мы созрели для лямки
холщовой сумы.
Мы за счастьем гнались, мы торили дороги
и тропы.
Оказалось, вели нас не те, не туда и не так.
И стоим мы теперь у порога богатой Европы
И униженно ждем: может, бросят нам
в шляпу пятак.

КРЕСТЫ

Мы, русские, доверчивы, просты:
Творим себе кумиров, верим в чудо.
Не потому ли и живем так худо
И так привычны на Руси кресты.
Кресты блестят на маковках церквей,
Кресты стоят, как вехи, на дорогах,
Кресты на сельских кладбищах убогих,
Кресты вокруг сибирских лагерей.
Кресты лежат, как павшие в бою,
На братских неухоженных могилах,
Кресты на шеях странников унылых,
Влачащих по Руси беду свою.
Мы все бредем, не ведая о том,
Что ставят нам кресты и ямы роют
И новые кумиры и герои,
Как рыли те, что нынче под крестом.
О, Господи! Когда нам надоест
Крестами мерить русские дороги?
Когда на жизни серой и убогой,
На рабской жизни мы поставим крест?

Я ВЕРЮ...

О юности ушедшей не жалею,
И грусть моя о прожитом светла,
Уходят годы. Волосы белеют,
Но вера в счастье так и не прошла.

Осталась вера в детскую улыбку,
В неугасимый пламень очага,
Что мир наш ненадежный, хрупкий, зыбкий
Не рухнет под ударами врага.

Я верую в мечту о вольной воле
И в добрых дел и мыслей торжество,
И в легкий бег коней во чистом поле.
А больше и не надо ничего.

* * *

В наш мир одинаково люди приходят,
Рождаются в муках, живут в суете.
И только по-разному каждый уходит,
Кому как Господь начертал на кресте.

Одни торопливым пушком улетают,
Лишь в памяти близких оставив печать.
Другие затлеют и тихо растают,
Как тает в ночи восковая свеча.

А третьи сверкнут раскаленной кометой
Стремительно, остро, как выпад клинка,
Как молния над ослепленной планетой,
И врежутся в память людей на века.

ГУДЯТ ПРОВОДА

Над лесом, над степью пустынною
Багровые зори встают.
Гудят провода над Россиею,
Как будто печально поют.

Гудят контральтовыми тонами,
Теряются звуки вдаль
И кажутся тяжкими стонами,
Идущими из-под земли.

Все перевили, опутали
Тенетами провода,
Дороги-пути перепутали.
Откуда, зачем и куда?

От Владивостока до Киева,
От Диксона до южных гор
Проходит дорога Аппиева
Крестообразных опор.

И чудится, что на распятнях,
Проклятьями стоны глуша,
Корчится в муках распятая
Российской земли душа.

ПУСТЬ БУДЕТ СВЕТЛОЕ НАЧАЛО

Как тесно стало на планете...
Внушили нам давным-давно:
«Рождаются для счастья дети»,
Но суждено ли им оно.

Нет мира в человеческом доме.
То здесь, то там трещат чубы.
Как можно в этаким Содоме
Хоть краткий миг счастливым быть?

Сквозь дым лик солнечный не виден.
Горят дома, леса горят.
И «в тесноте, да не в обиде»
Теперь уже не говорят.

Мир захлестнули волны страха.
В борьбе за «теплые» места
Стреляют с именем Аллаха,
Стреляют с именем Христа.

Дитя, родимая кровинка,
Что мать в мученьях родила,
Как в поле малая травинка,
Не может выжить без тепла.

Как вырасти ему счастливым,
Когда нет года без войны?
Когда слова и клятвы лживы?
Дела и помыслы черны?

Живем на динамитной бочке.
Планета потеряла щит
И сквозь прорехи в оболочке
На всю галактику кричит.

Нет. Это не планеты голос.
Молчит и терпит, как всегда,
То наша раненая совесть
Кричит от боли и стыда.

А чтобы совесть замолчала,
Не надо ни голгоф, ни плах.
Пусть будет светлое начало
И в мыслях наших, и в делах.

ПТИЦА

Вольная птица в клетке томится,
Мечется, бьется несчастная птица.
Хочется птице вспорхнуть.
Тесно. Крылом не взмахнуть.

Бьется о клетку израненной грудью
Не поддаются железные прутья,
А за решеткой стальной
Ветер гуляет шальной.

Ах, кабы вырваться ей из неволи,
Хоть бы на миг оказаться на воле,
К синему небу взлететь,
Спеть, а потом умереть.

ЧТОБ ТАК И БЫЛО

Опять ворчит на кухне чайник,
Глухая полночь за окном.
Льет дождь занудливо печальный.
Забылся мир тревожным сном.
Он неустроен и опасен,
И беззащитен, и жесток,
Но как он все-таки прекрасен,
Вселенной малый завиток.
Никто не знает, кем он создан
В недобрый или в добрый час,
Но эта кроха в мире звездном —
Большая родина для нас,
Обитель до скончанья века.
Все на Земле приют нашли,
От червяка до человека,
Все дети матери-Земли.
Различные лицом и статью,
Белы, желты или черны,
Большие и меньшие братья,
Мы перед нею все равны.
Одно на всех нам солнце светит,
Одна на всех земля, вода,
И потому мы все в ответе,
Чтоб так и было навсегда.

Места, знакомые до боли

А Я ПРИЕЗЖАЛ К НЕЙ...

Пологий пригорок над речкою звонкой
Прорезан распадком, как острым ножом,
Над краем распадка нависла избенка.
К калитке тропиночка вьется ужом.
За долгую жизнь обветшала избушка,
Осела, подперлась пихтовым столбом.
Она, как старушка с тяжелою клюшкой,
Устало согнулась под крышей-горбом.
Здесь, в комнатке под потемневшей иконкой,
Присев на скамеечку возле стола,
Покрытого клетчатой синей клеенкой,
Меня моя Матушка в гости ждала.
А я приезжал к ней почти каждым летом,
Взбегал по тропинке, в окошко стучал
И простеньким, с детства знакомым куплетом
Тихонько на мамин вопрос отвечал.

Она узнавала и с радостным смехом
Поспешно гремела железом крючка,
Шептала растроганно: «Саша приехал».
Слезу утирала концами платка.
Потом, как положено, в баньку с дороги.
До одури парился, а вечером
Сидели на лавочке, вытянув ноги,
И тешили душу горячим чайком.
Смолкали в ветвях хлопотливые птахи,
Над спящей тайгой всплывала луна,
Вползала прохлада за ворот рубахи.
На цыпочках шла по земле тишина.
Тонули во тьме суета и тревоги.
Хотелось по звездам о счастье гадать.
Со звездного неба по млечной дороге
Спустились спокойствие и благодать...
Прошло много лет. Ни избушки, ни Мамы
Не стало давно, но всегда с этих пор
Печаль мне глаза застилает слезами,
Когда проезжаю пустой косогор.

КОГДА ЗВУЧАТ СЛОВА ЛЮБВИ...

Когда ночная птица прокричит,
На мир сойдет полночная прохлада,
Ни пошлых слов, ни фраз пустых не надо.
Пускай звучат слова любви в ночи.

В таежной чаще зверь не зарычит,
Листок не дрогнет на лесной опушке,
Стихают войны, умолкают пушки,
Когда звучат слова любви в ночи.

И лишь сердца влюбленных не молчат.
Они поют красиво, вдохновенно.
Покой и мир царят во всей Вселенной,
Когда слова любви в ночи звучат.

ВИШНЯ ЗАЦВЕЛА

А на зорьке ранней
Вишня зацвела.
В белом одеянье
Под венец пошла.

Ветер осторожно
Колыхнул фату,
Чтоб не потревожить
Эту красоту.

Вот и солнце встало
Из-за тополей,
Громче зазвучала
Музыка шмелей.

Я проснулся рано,
Бросив все дела.
И брожу, как пьяный —
Вишня зацвела!

ДЕРЕВНЯ

Закат на полнеба да вздох ветерка,
Устойчивый запах навоза,
Приправленный теплым душком молока...
Обычная сельская проза.

И время как будто вернулось назад.
Внезапно привиделся древний,
Простой, словно истина, прочный уклад
Глубинной сибирской деревни.

Спокойствием веет от каждой избы.
Здесь все обстоятельно, просто,
Как в жизни людей хлебобобской судьбы,
От первого дня до погоста.

Родятся в запарке страды в борозде,
Как злаки из семени всходят,
Мужают, стареют в крестьянском труде
И в эту же землю уходят.

Они не решают проблем мировых
В пивнушке под пьяные речи.
Дал Бог бы «собрать урожай зерновых»,
Скотинку сенцом обеспечить.

А осенью — свадьбы одна за одной.
Взахлеб тараторят гармошки.
Бросает пригоршнями ветер хмельной
Листву золотую в окошки.

БЕГУТ ПОЕЗДА

Бегут поезда
Туда и сюда:
На Север, на Юг, на Восток.
Лишь где-то в ночи
Прощально кричит
Локомотивный гудок.
Средь спящих равнин
Мерцают огни,
Пронзая густую тень.
И дразнят они,
И манят они
Туда, где рождается день.
А где-то за той
Незримой чертой,
На самом краю бытия
Рассыпалась гроздь
Мерцающих звезд,
И есть между ними моя.
Возможно она
Не многим видна,
Не многим близка и ясна.
Но я буду рад,
Если хоть раз
Кого-то согреет она.

ОДИНОКИЙ ПРОХОЖИЙ

Ночь. Холодная черная ночь.
Тусклый фонарь с желтушной рожей.
Хлопнула дверь и отправился прочь,
Кутаясь в плащ, одинокий прохожий.
Из-под надвинутого козырька
Щупают темень глаза подростка
Взглядом затравленного зверька.
Крепко зажата в зубах папироса.
Черною кошкой ползет темнота.
Спит за панельными стенами город.
Пусто кругом и в душе пустота.
Капли дождя проникают за ворот.
Дома привычный застольный угар.
В водочных лужах окурки, объедки
И надоевший безумный кошмар.
Вечно скандальные пьяные «предки».
Осточертело. Тоска, хоть кричи.
Дни друг на друга до рвоты похожи.
Вот потому-то и бродит в ночи
Злой на весь мир беспризорный прохожий.
Вдоль по асфальту струится вода.
Бродит подросток, один в целом свете.
Идет он во тьме, неизвестно куда.
Где и кого на дороге он встретит?

МЕЧТА

У каждого в детстве бывает мечта,
Укрытая за облаками.
Мою называли по-шорски «Мустаг»,
А мы называли Белками.
Проснувшись порой среди ночной тишины,
Я видел сквозь темные кроны
Залитые призрачным светом луны
Белесые горные склоны.
А утром, на зорьке, бежал за ручей
Смотреть, как встает из тумана
В спящей короне из ярких лучей
Крутое чело великана.
Казалось, могучие плечи гольца
Пробили земные твердыни.
И встал он, как вызов законам Творца
В своей непомерной гордыне.
Неистовый ветер цыганским кнутом
Сечет непокорную спину.
Снегами, как белым гигантским холстом,
Метель накрывает вершину.
Не властны над ним ни года, ни века,
Неколебим он и вечен,
Как царственным белым плащом, облака
Ласкают могучие плечи.
Мечта одолеть поднебесную даль
Не проходила с годами.
Все больше хотелось подняться туда
И встать наравне с облаками.

Свершилось! Стою на вершине горы,
Безмолвный, как каменный идол...
Поверьте, что с той несравненной поры
Я зрелища краше не видел.
В распадке, меж голых скалистых вершин,
Как в добрых руках исполина,
В оправе из кедров, берез и осин
Укрылась от ветра долина.
А через долину стремился поток,
Сверкающий радужной пылью.
Вода, как живая, — отведай глоток,
Почувствуешь — выросли крылья.
Поодаль, как вздыбленный каменный бык,
Над черной лесистою кручей
Вонзил в небеса свои скалы «Сарлык»
Угрюмый, косматый, могучий.
И всюду тайга, аж до края земли,
Как полы чудовищной шубы,
А где-то за краем, в туманной дали
Маячат кузнецкие трубы.
Струится таежный хмельной аромат.
Туман фимнамом курится.
Как жаль, что ушли эти годы назад
И больше им не повториться.

У ВАГОННОГО ОКНА

Под шубой спит на лавке внук.
Я в уголке вздремнул немножко
И под колесный перестук
Задумчиво гляжу в окошко.

Все спят. В вагоне тишина.
Состав бежит по перегонам.
И лишь огромная луна
Летит вперегонки с вагоном.

Мелькают меж ветвей колков,
Как в серебристой паутине,
Размытые мазки стожков
На загрунтованной холстине.

Безмолвны белые поля.
Раскинувшись усталым телом,
Спит утомленная земля
Под одеялом снежнобелым.

Метель уснула чутким сном,
Устав от плясок в чистом поле.
Плывут, сменяясь, за окном
Места, знакомые до боли.

ДЕТИ «КУКУШЕК»

Ночь, но бессонно открыты глаза,
Тяжко с ресницы скатилась слеза,
Комкает угол простынки ручонка...
Кто же вы, жители Дома ребенка?
Тихо кругом. Над страной тишина.
Пушки не бьют, не грохочет война.
В семьи давно не несут похоронки.
Кто же вы, жители Дома ребенка?
Что за беда вас сюда привела?
Может, чума матерей отняла?
Тети чужие читают вам сказки...
Кто же лишил вас родительской ласки?
Пусто в колодцах потухших зрачков,
В детских глазенках тоска стариков,
Не привлекают цветные игрушки...
Радость убили мамыши-«кукушки».
Сколько их бродит по нашей стране,
Совесть и стыд утопивших в вине.
Носят, рожают от «гона» до «гона»,
Нет на «кукушек» людского закона.
Сука своих не бросает щенков.
Этого зла даже нет у волков.
Только отродье семьи человеческой
Детские души способно калечить.
Плохо убогому жить на земле,
Трудно слепому томиться во мгле,
Но безысходней страданий голодных
Горькая доля младенцев безродных.
Тяжкий свой крест пронесут до конца
Дети, не знавшие ласки отца.
Только на сердце останутся шрамы —
«Дар» от родившей и бросившей мамы.

РАЗМОЛВКА

Ветер взметает листья,
Ветер шумит и злится.
Дождь барабанит в стекла.
Все на земле промокло.

Ночь, а тебе не спится,
Мокры от слез ресницы.
Смотришь ты в сумрак ночи.
Сердце обида точит.

Молча сидим с тобою.
Ветер за окнами воет.
Медленно в мокрую темень
Капает, капает время.

Капает в душу горечь,
Что в пустяковом споре
Грань мы переступили,
Друг другу не уступили.

И замолчали двое.
Ветер тоскливо воет,
Хлещет по стеклам ливень
И оттого тоскливей

И тяжелей обоим.
Что мы творим с тобою?
Счастье свое мы губим.
Мы ведь друг друга любим!

Ну, не молчи, не надо.
Сядь-ка со мною рядом.
Горько тебе, я знаю.
Ты уж прости, родная.

Слышишь, стихает ветер.
Месяц умытый светел
Ясное утро пророчит.
Милая, доброй ночи!

ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ?

Что такое любовь? Это песня души.
Это целое небо в очах.
Это жар поцелуя в полночной тиши
И тепло милых рук на плечах.

Что такое любовь? Это радости встреч,
Расставаний щемящая боль.
И пьянящая голову сладкая речь,
Или ревности едкая соль.

Что такое любовь? Это пламя в глазах.
Это в зимнюю стужу весна,
Безрассудная страсть без оглядки назад,
И весь мир — это ОН и ОНА.

Что такое любовь? Это рядом сердца
В общем ритме стучат, как одно.
Это все пополам и вдвоем до конца.
Или в ад, или в рай — все равно,

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЬ ГЛУХАРЯ

На лесной потаенной поляне,
Когда небо румянит заря,
В предрассветном белесом тумане
Раздается призыв глухаря.

Вот и он, словно рыцарь, по кругу
Ходит гордо, любуясь собой,
Манит ласковой песней подругу
И соперников кличет на бой,

Преисполненный страсти и силы,
Каждым перышком трепеща,
Распуская широкие крылья,
Словно черные полы плаща.

Целый мир благодатный, чудесный,
Неоглядный таежный разлив —
Все вместилось в неистовой песне,
Все впитал этот страстный мотив.

Пел глухарь в иступленьи всесильном,
Пел глухарь, чтоб подругу увлечь.
Только вдруг по распахнутым крыльям
Из-за елки хлестнула картечь.

Не взлетев, пал он в снег у березы,
Окровавив подтаявший наст.
Брови, словно кровавые слезы,
Пламенели у меркнущих глаз.

На рассвете, в час тихий, прелестный,
Когда небо румянит заря,
Умерла вдохновенная песня —
Может, лучшая песнь глухаря.

ТУМАН

Погрузилась земля в снежно-белый провал,
Затопило округу туманное море.
Лишь горбатых плешивых холмов острова,
Сиротливо маячат в безбрежном просторе.
Провалился я в рыхлый туман, словно в снег,
И барахтаюсь в этом гигантском сугробе.
Я один в этой ватной густой тишине,
Глух и слеп, как дитя в материнской утробе.
Я бегу, я иду, я ползу сквозь туман,
Через эту безмолвную белую выюгу,
А проклятый туман, словно крепкий аркан,
Не пускает на волю и гонит по кругу.
Мне порвать бы аркан, мне бы с круга сойти,
Отыскать бы в тумане прямую дорогу
И по ней сквозь туманное море пройти
И увидеть, что скрыто за белым порогом.
Может, встретит меня яркий солнечный свет,
На траве заиграет роса перламутром,
Или серою тенью сквозь узкий просвет
Мне забрезжит дождливое, хмурое утро.
Как он мне надоел, бесконечный туман
И бесцельная долгая гонка по кругу.
Разорвать бы скорей ненавистный аркан,
И — галопом к рассвету, сквозь темень
и выюгу.

ДЕД ВСПОМИНАЕТ

Степь ночная под белым покровом лежит,
Погруженная в призрачный сон.
По степи запоздалая тройка бежит,
Бубенцы льют серебряный звон.
Напевает ямщик, чтоб совсем не заснуть.
Скрылся месяц в дыму облаков.
Вдруг из балки за тройкой сквозь серую
муть

Молча кинулась стая волков.
Кони дико всхрапнули, всем телом дрожа,
Ошалев, понеслись в темноту.
У возницы по коже мороз пробежал,
Пересохло от страха во рту.
И надрывно крича перекошненным ртом:
«Выносите, родимые! Ну-у-у!»,
Сыромятным плетеным ямщицким кнутом
Что есть силы коней полоснул.
Коренник озверел от ударов бича,
Пристяжные рванули внамет.
Под копытами хрустнула наледь ручья,
Брызнул крошевом сколотый лед.
Тройка черною бурей, по целине,
Ветер иглами колет лицо.
Но все злее, упорнее, ближе, тесней
Волчья стая сжимает кольцо.
Дробь копытная. Храп запаленных коней.
Визг полозьев. Рычанье волков.

И почти у запяток летящих саней
Частокол желтоватых клыков.
Ни жилья, ни огня в этом мире пустом,
Только бешеный топот подков,
А ямщик вперекрест полосует кнутом
По оскаленным мордам волков.
И из самого сердца, из самой глубины
Вдруг прорвался отчаянный крик:
«О, Господь милосердный, услышь, подсоби!
Погибает несчастный ямщик!»
Видно, эта молитва до Бога дошла.
Злая смерть ямщика обошла.
На последнем дыхании тройка взяла
Две последних версты до села.
Лишь возникший из мрака хозяйский сенник
Оборвал этот бешеный бег.
И тогда вдруг тоскливо заржал коренник
И, как срубленный, рухнул на снег.
Он неистовой гонке все силы отдал.
Он сумел от погони уйти.
И теперь умирает... Ямщик зарыдал,
Повторяя: «Родимый, прости».

ОГОРОДНИК

Кто из нас не любит матушку-природу?
Мы всегда готовы уложить багаж
И под ярким солнцем в ясную погоду
Прокатиться к морю на песчаный пляж.
А не хочешь к морю, поезжай на дачу,
В гамаке качайся, кушай бутерброд.
Если нету дачи, что за незадача?
Втиснешься в автобус, едешь в огород.
Там тебе и солнце, там тебе и травка,
Море в вагонетке, а из лейки душ.
Сбрасывай одежду и в семейных плавках
Меж заросших грядок ползай, словно уж.
Солнце жарит спину, как на знойном пляже,
Руки неустанно дергают траву.
Вступит в поясницу, под кустом приляжешь,
Ждешь, пока отпустит, грезишь наяву.
Будто море яхту на волнах качает,
Не плывет с котельной едкий аромат
И не грай вороний, крики белых чашек
Музыкой волшебной мыслям в лад звучат.
А на горизонте призрачно маячит
Не твоя «фазенда» типа «туалет»,
А волшебный замок, вилла или дача,
И вот в эту сказку у тебя билет.
Ты уже на пляже, чистый, благородный
Шоколад загара на плечах видней —
Настоящий южный, а не огородный
(Очень темный сзади, спереди — бледней).

Ты уже не шаршишь взглядом по земле,
Видишь небо, море, чайк на волне
И уже соседей узнаешь по лицам,
А не по привычно согнутой спине.
Только вдруг засвищет пташка-озорница,
Земляничным духом ветерок пахнет,
Вытянет земляца боль из поясницы,
В тело утомленное силушку вдохнет.
И растают грезы о морях и дачах,
В мыслях происходит резкий поворот,
И теперь на отдых ты взглянешь иначе —
Лучше всех курортов личный огород.

ОХОТА

Лису вспугнул сползающий с бугра
Тяжелый смрад горелого бензина.
И вот уж час грохочущий «Буран»
Вращает ленты траковой резины.

И вот уж час, петляя по степи,
Бежит от смерти рыжая лисица.
А горло пересохшее хрипит,
Кровавым потом залиты глазницы.

Лисица выбивается из сил,
Пытаясь уцелеть в смертельной гонке,
Но рев десятков лошадиных сил
Все ближе, злее рвется в перепонки.

Она бежит, неведомо куда,
И сердце разбивается о ребра,
А сзади наползает, как удав,
Парализует волю взгляд недобрый.

Ах, только бы до леса дотянуть,
Нырнуть в непроходимые урманы...
Но тут ей снова преграждает путь
Нечистый дух ревущего «Бурана».

Все. Не уйти. Лиса упала в снег.
В глазах завеса красного тумана,
А за спиной скрипит зловещий смех
Владельца ненавистного «Бурана».

Тогда, внезапно повернув назад,
Она, в почти безумном иступленье,
Собою плюнула в холодные глаза
И пулю приняла, как избавленье.

ЗИМНИЕ БЕРЕЗЫ

Уходит в небо дым столбом,
Трещат январские морозы,
И белые на голубом
Дрожат от холода березы.

Они так радовали глаз
Своей особой русской статью
И выставляли напоказ
Свои серебряные платья.

Когда на утренней заре
Рождался день в туманной стыни,
По серебристой мишуре
Блистали блики золотые.

Но с гор примчался грозный шквал,
Швыряя снежные заряды,
С берез безжалостно сорвал
Их серебристые наряды.

Исчез разбойник без следа,
И снова грянули морозы.
От стужи или от стыда
Дрожат поникшие березы.

УРОК АСТРОНОМИИ

А ночь была так дивно хороша!
Сияли, как начищенные, звезды.
Я вышел ненадолго подышать.
Мне нравится ночной морозный воздух.

Окончен шумный праздник. Тишина.
Расходятся компании на отдых,
И чья-то подгулявшая жена
Читает мужу лекцию о звездах.

А он хмельной, простецкая душа,
Глазами соловельми мигает,
Упорно ищет в небе два ковша,
А звезды мельтешат и убегают.

Он руки непослушные воздел
И пальцем ковшик подцепить пытался,
Но дотянуться так и не успел
И во весь рост на тропке распластался.

Жена тщету попытки поняла,
Обиду за науку ощутила
И, если б ковш сама достать могла,
То им бы мужа и отколотила.

ПЛАТА ЗА ДЕРЗОСТЬ

Утренний росплеск холодной зари
Небо завесил малиновым платом.
У горизонта над краем земли
Врезался в небо стрелой экскаватор.

Тянется длинной железной рукой.
Ковш опустился за кромку отвала,
Где, от трудов отойдя на покой,
Солнце в студеную ночь ночевало.

Вспыхнув от выходки дерзкой такой,
Солнце скользнуло лучом над отвалом
И на того, кто нарушил покой,
Праведным гневом оно запылало.

Огненным глазом сверкнуло оно,
Сонную землю на миг ослепило
И экскаватор с ковшом заодно
В этом слепящем огне растопило.

«ПАЛАЧ»

Минуя пожелтевшие околки,
В помятой кепке, сдвинутой на лоб,
Катил в рессорной крашеной двуколке
Колхозный председатель на село.

Хозяин явно был не в настроении,
И конь, почти не слушаясь вожжей,
Шел напролом, топча цветы осенние,
Трещала сыромятина гужей.

Все ближе, ближе, громче дробь копытная,
Исхлестанного гривой ветра плач.
Пожухлую траву, дождем прибитую,
Сечет копытом на скаку «Палач».

Крылом ординым вороная гривища...
Минута — и отмерена верста...
Бог мой! Какая дьявольская силища!
Какая удивительная статья!

Под тонкой кожей мускулы железные,
В глазах огонь и пена на губах,
А удила-игрушки бесполезные
Закушены в оскаленных зубах.

Летит под ноги колея дорожная.
Подковы разбивают землю в прах.

Вопит истошно живность всевозможная,
От чудища спасаясь во дворах.

Мальчишки, как обычно, люди смелые,
Росли, как говорится, на конях,
Бегут от «Палача», как угорелые,
И с визгом громоздятся на плетнях.

ЖЕНЬШЕНЬ

В глухие, гиблые места,
Сквозь годы странствий и лишений
Неугомонная мечта
Ведет искателей женьшеня.

Надежда слабых и больных,
Растет цветок на вид невзрачный,
Среди извечной тишины
Он, как отшельник в келье мрачной.

Шесть долгих лет в тайге растет,
Пока в земле расправит плечи,
Живую силу обретет
Бесценный корень-человечек.

А человек весь этот срок
К нему за сотни верст приходит,
Хранит загадочный цветок,
Как верный раб, лелеет, холит.

И, может быть, за доброту,
За бесконечную усталость
Осуществит свою мечту —
На краткий миг отсрочит старость.

НА УЗКОЙ ТРОПЕ

Зимой медведь спокойно спит в берлоге,
Но если вдруг прервать течение сна,
То берегитесь встретить на дороге
Свирепого медведя-шатуна.
Судьба свела их на тропе звериной
В глухом распадке между горных рек.
Тщедушный шорец против исполина,
Таежный властелин и человек.
Шатун, почуяв ненавистный запах,
Взревел, подняв оскаленную пасть.
Вдруг, вскинув вверх чудовищные лапы,
Он вздыбился, готовился напасть.
Отбросив бесполезную берданку,
Надеясь лишь на крепость рук и ног,
Охотник сдернул с головы ушанку
И выхватил из ножен свой клинок.
Теперь ни зверь, ни шорец не отступит,
С тропы по доброй воле не сойдет.
Никто врагу ни пяди не уступит.
Теперь уж только смерть их разведет.
Рванулся зверь, стремясь схватить в охапку,
Порвать охотника, переломить хребет,
Но тот швырнул в медвежьи лапы шапку
И тут же кошкой бросился вперед.
Отточенный кинжал вспорол брюшину,
Кровь обагрила вытоптанный снег.
Взрыв дикой боли оглушил долину.
В ответ победно крикнул человек.

Зверь плыл в аду кровавого тумана
И, раздирая заскорузлый мех,
Когтями рвал зияющую рану,
Вываливая внутренности в снег.
Охотник, облегчая великану
Последний шаг за жизненный порог,
Приставил к уху шатуна бердану
И твердою рукой спустил курок.

В КЕДРАЧЕ

Сухой пологий косогор,
Заросший кедром.
Ручей струится с дальних гор,
Тропинка над ключом.
Прозрачный воздух свеж и сух,
Прохладою манит.
Ореховый смолистый дух
И дразнит и пьянит.
Иду по хвойному ковру.
Над лесом день встает.
Как странно: тишина вокруг,
Но все вокруг поет.
Прекраснейшую из сонат
Поет кедровый лес,
И каждый кедр, как струна
От суши до небес.
А где-то в жуткой вышине
Навис гигантский зонт
Недвижных, как в глубоком сне,
Светло-зеленых крон.
И удивительно: кедроч
Не давит, не гнетет,
А исцеляет, словно врач,
И силы придает.
И я брожу среди стволов,
Касаясь их рукой,
И впитываю их тепло.
В моей душе покой.

ТОПОЛЬ

Он скромн и неприхотлив,
И чужд чрезмерных притязаний,
И к пересадкам терпелив,
И к процедуре обрезаний.
Он много сил не отберет.
Воткнули кол — и все затраты,
А пыль, как дворник, соберет,
Причем, не требуя зарплаты.
К его стволу в ненастье льнут,
В зной укрываются под сенью,
Но в голос все его клянут
В период буйного цветенья,
Когда средь лета в сушь и зной,
Вдруг, словно в декабре, завьюжит,
Над разомлевшею страной
Метель пуховая закружит.
Что ж, так бывает у людей:
Имей хоть тысячу достоинств,
Один прокол — и ты злодей,
Клейма навечно удостоен.

ИЗДЕРЖКИ ЭВОЛЮЦИИ

Жил человек в эпоху Неолита
До примитива просто и открыто.
Его запросы, в общем, ерунда —
Огонь, вода да сытная еда.

Веками жил в пещере коммунальной,
В среде суровой, но не криминальной,
И было это по сердцу ему,
А власть и деньги были ни к чему.

В общине жить друг другу не мешали.
Конфликты любовно разрешали.
Любой пожар гасил в один момент
Увесистый дубовый аргумент.

Вот жизнь была! Ни «...измов» нет,
ни «...кратов»,
Ни НАТО, ни ООН, ни даже Штатов.
Жил на свободе возле чистых рек
Нормальный первобытный человек.

Однако скучно жить без эволюций.
Так не хватало войн и революций.
Шагнул вперед — святая простота —
Посыпались сюрпризы, как с куста.

Сквозь черный дым загадочнее горы.
Стеною встали плотные заборы.
В реке не угадаешь никогда,
Что укрывает черная вода?

Чтоб заглянуть через забор соседа,
Уже забрался в космос непоседа,

И, видя что дубиной не достать,
Ракетами решил пощекотать.

Сосед, не будь дурак, его же салом
Ему же и «заехал по мусалам».

Ежу понятно — сильно осерчал.

Что ж, первый блин — начало всех

начал.

Не с легкой ли руки того соседа

На человека навалились беды?

То путчи, то реформы, то война...

Забыл, какой бывает тишина.

Советы, диктатуры, перестройки...

Освоены и свалки, и помойки...

Ах, Вам цивилизация нужна?

Извольте заплатить за все сполна!

И так тоскливо стало человеку,

Что заскучал по каменному веку.

Ведь жил свободно возле чистых рек

Нормальный первобытный человек,

ПЛАЧЕТ ЗА ОКНАМИ ОСЕНЬ

Неба осеннего просинь канула в серую мглу.
Плачет за окнами осень, слезы текут
по стеклу.

В лужах фонтанчики скачут, сник
заболоченный луг.

Осень за окнами плачет, слезы текут
по стеклу.

Ветер небрежно разбросил желтый ковер
на крыльце.

Щедро разбавила осень капельки слез
на лице.

Грустны осенние грезы, грустные песни пою,
Грустные мысли, как слезы, падают в душу
мою.

Льются осенние слезы, а на бугре за окном
Мокро обвисли березы, словно объятые сном.
Мокрая музыка эта слышится мне до утра.
Где же ты, красное лето, юности светлой
пора?

Лето давно отзвенело посвистами соловья,
Яркою свечкой сгорела светлая юность моя.
Ветер бесстрастно уносит годы за серую
мглу.

Плачет за окнами осень.
Слезы бегут по стеклу.

ГРОЗА

Цепляя седину белков,
Плывут гонимы ветром тучи.
Как будто стадо сарлыков
Лениво ползает по круче.
А ветер силушку пытал,
Стремясь расшевелить ленивых,
И по-разбойничьи свистал,
Запутавшись в косматых гривах.
И тучи ускоряли ход,
Летели, выстроившись цугом,
А он затеял хоровод,
Чтоб закружить, столкнуть друг с другом.
Он бесновался, как шальной,
Стараясь в тесный строй ворваться,
Звенел натянутой струной,
Готовою вот-вот порваться.
И дрогнул черный караван,
Смешался, закрутился туго,
Шли туча с тучей на таран,
Пытаясь вырваться из круга.
Они то пятились назад,
То вновь бросались друг на друга,
И грома яростный раскат
При встрече сотрясал округу.
Сшибались, будто два врага,
В гигантский черный ком сплетались,
И, словно острые рога,
Меж ними молнии блистали,

Врезая тучам животы
Стремительным ударом шпаги.
Но вот с небесной высоты
Обрушились потоки влаги.
На иссушенные поля
Пролился ливень благодатный,
А ветер, всласть повеселясь,
Погнал все стадо в путь обратный.

...А ЧТО ТУТ ПОДЕЛАЕШЬ? ОСЕНЬ

То слякоть, то холод, то солнце, то дождь,
То тучи, то блеклая просинь.
Грязища. Сухого клочка не найдешь.
А что тут поделаешь? Осень.

То грусть, то хандра, то тоска, то печаль.
Погоды, как милости, просим.
И лета, так быстро ушедшего, жаль.
А что тут поделаешь? Осень.

То сердце щемит, то занает спина,
Трудней сквозняки переносим.
На волосы снегом легла седина...
А что тут поделаешь? Осень.

ПРОСТИ

Пурга истошно воев за стеной,
Швыряет в окна целые сугробы,
И что-то непонятное со мной,
Как будто я у собственного гроба.
Опять звоню, а телефон молчит.
«Ответь!» — Я, как молитву, повторяю.
В ответ гудки... А кровь в висках стучит.
И мнится мне, что я тебя теряю.
Смятенье в мыслях, теснота в груди...
Предчувствуя ужасную картину,
Кричу безмолвным криком: «Погоди!»
Бегу, ловлю попутную машину.
Проклятие! Как бесконечен путь!
Ползет навстречу серая дорога.
Схватиться за нее, к себе рвануть,
Приблизиться к тебе, хоть на немного.
Уймись же ты, проклятая пурга!
Не городи сугробы на дороге!
А вот и дом. Он рядом, в двух шагах,
Но почему не слушаются ноги?
Бросок по лестнице и поворот ключа,
Стремительно распахиваю двери...
Передо мной, как божия свеча,
Родимый взгляд. Я верю и не верю.
И с глаз моих упала пелена.
От спазма задышал натужно.
Ведь мне на свете только ты нужна.
Все остальное мелко и ненужно.

Я ощутил тепло любимых плеч,
В глазах твоих увидел состраданье,
И, от прилива чувств теряя речь,
Припал к тебе, глуша в себе рыданья.
Прижал к груди, боялся отпустить,
Тебя целуя как-то неумело,
Шепчу сквозь слезы: «Милая, прости!
Прости за все, что сделал и не сделал».

НЕНАСТЬЕ

Мелькнуло рыжею лисицей бабье лето.
Из-под небес до скошенных полей
Донесся и остался без ответа
Прощальный крик последних журавлей.

Промозглый ветер мечется сердито,
Швыряется пожухлою листвою.
Плетется стадо колеей разбитой
Позавтракать последнею травой.

Промокшая деревня на пригорке,
Надвинув крыши-шляпы до бровей,
Скукожилась, как грешник после порки
Холодными бечевками дождей.

Поля пустынно, опустели рощи,
Осенний день и короток и мглист,
А в роще ветер яростно полощет
На ветке чудом уцелевший лист.

ДОМОЙ

Зимний вечер. Ярко светит
В небе полная луна.
Спит уставший за день ветер.
В чистом поле тишина.
Степь скатеркою льняною
Серебрится под луной.
По степи в село родное
Мужичок спешит хмельной
Он купил семье подарки:
Жинке — шаль, мальчикам — пимы.
Выпил чарку у шинкарки,
Причастился у кумы
Черпачком наливки сладкой.
Посудачили с кумой,
И кауряя лошадка
Резво двинулась домой.
Хорошо бежит кобылка.
Мужичок глядит во тьму
И с лукавою ухмылкой
Вспоминает про куму.
Развалясь на мягком сене,
Отряхнув от куржака
Бороды лохматый веник,
Он запел про Ермака.
Катят сани. С легким треском
Бьют копыта в передки.
Наконец, за перелеском
Показались огоньки.

Вот и сонные ракиты
Над заснеженным прудом.
А за ним, снежком покрытый,
Ждет его родимый дом.
У икон мерцают свечки.
Ждет хозяйка мужика,
И несется из-за печки
Удалая трель сверчка.

БАБЬЕ ЛЕТО

Небо по-осеннему бледно-голубое.
Потянулись птицы в теплые края.
Их прощальный оклик слышу над собою
И кричу вдогонку: «До весны, друзья!»

Что-то мне сегодня радостно и грустно?
Грустно оттого, что лес без птиц пустой.
Радостно, что кто-то широко и густо
Разукрасил рощу краской золотой.

Кто-то вплел рубины в сетку паутины,
Жемчуга рассыпал в жухлую траву,
Желтый плащ накинул на земную спину,
В лужи опрокинул неба синеву.

Кто-то рассыпает золото по свету,
Раздувает в роще рябиновый пожар.
Это на прощанье дарит Бабье лето
Запоздалой страсти неостывший жар.

ВОВКА

Нюрка убежала спозаранку
Вновь на скотный двор на целый день,
Сына Вовку сунув на лежанку
К бабке, старой и глухой, как пень.

 Лучик солнца втиснулся в окошко.
 Зимний день к обеду повернул.
 Вовка съел последнюю картошку,
 Влез на печку и опять уснул.

День без мамки тянется тоскливо.
Вот опять под ложечкой сосет.
Вовка ждет упорно, терпеливо,
Может, мамка хлеба принесет.

 Постепенно остывает печка,
 А у бабки мочи нету встать.
 И заныло Вовкино сердечко,
 Он тихонько начал причитать:

— Мамочка, ну что ты натворила?
Дверь закрыла и ушла чуть свет.
А картошки мало наварила,
Ни кусочка хлеба дома нет.

 Ветер завывал в чувале тонко,
 Горькую оплакивал судьбу...

 Наконец, соседская девчонка
 Заглянула в ветхую избу.

Приласкала, осушила слезы,
С печки горемычного сняла
И, закутав Вовку от мороза,
В дом к себе погреться увела.

Вовка, обжигаясь, ел картошку,
Запивал из кружки кипятком,
Носом сонно поклевал немножко
И полез на печку прямиком.

Тут и Нюрка принеслась с работы,
С печки Вовку сонного сняла
И, сказав: «Спасибо за заботу», —
Завернув в фуфайку, унесла.

УХОДИТ ОСЕНЬ

Умчался август, как шальной,
На разукрашенной двуколке.
И запестрели желтизной
Леса и рощи, и околки.
Уж паутинную вуаль
Деревья носят.
В Россию тихо, как печаль,
Приходит осень.

Осин пылающий костер
Залили золотом березы,
И неба ситцевый шатер
До синевы отмыли грозы,
И гроздьях красные рябин
Горят меж сосен,
И журавлей печальный клин —
В России осень.

На опустевшие поля
Ложится утром белый иней.
Морозом схвачена земля,
И лед на речке синий-синий,
И первый холод зимних вьюг
Ветра доносят.
Спасаясь от зимы, на юг
Уходит осень.

СЕДЬМОЕ МАРТА

Март. Зажурчали ручейки,
Воркуют голуби влюбленные
И суетятся мужики,
Такие целеустремленные.

Из магазина на базар
Бегут с мечтой неистребимою.
Во взгляде ужас и азарт,
Стремленье удивить любимую.

Предугадать ее каприз,
Ее желания заветные
И приготовить ей сюрприз
И рамки не сломать бюджетные.

Подарок ценный «на троих»
Не купишь в целях экономии.
Традиционный наш «триптих»
Уместен только в «Гастрономии».

И угодишь ли ей? Как знать?
Пусть интеллект мужчин огромен,
Слабо им женщину познать
И женской логики феномен.

Задача. Что и говорить.
ТО ей претит, а ЭТО нравится.
И золотом не покорить.
Одна ЛЮБОВЬ с задачей справится.

ОСЕННЯЯ СЛЯКОТЬ

Покрылась земля грязно-желтым рядом.
Палитра природная вдруг оскудела,
А солнце сквозь тучи размытым пятном
Подслеповато на землю глядело.

Под музыку ветра о лете скорбим.
Осенние ливни расквасили сушу.
Лишь гроздья калины да пламя рябин
На фоне уныния радуют душу.

ОКТЯБРЬ-ОБМАНЩИК

Октябрь.
Серебристый иней.
Пусты и леса, и поля.
А воздух прозрачно-синий
Чистый, как детский взгляд.

Октябрь,
Шутник и обманщик,
Остывшую землю согрел.
Обманутый одуванчик
Проклюнулся на пустыре.

Не странно ли
Видеть цветочки
На заиндевело́й земле,
Набухшие клейкие почки
На голых ветвях тополей.

А скоро
Завоют метели,
Все снегом начнут засыпать.
Октябрь слишком мягко стелет.
Ох, жестко зимой́ будет спать.

НОЧЛЕГ

Ехал казак Диким полем на коне.
Сабля сбоку, пика, фляжка на ремне.
В сумке сало, хлеб — казацкая еда.
А во фляжке плещет вовсе не вода.
Дело к ночи. Конь устал и путь далек.
Вдруг во тьме зажегся свет, как уголек.
Подъезжает. Видит — в поле хуторок.
Расседлал коня, шагнул через порог.
А ему навстречу девица-краса,
Очи жгучие и черная коса.
В красный угол садит гостя-усаца,
Ставит закусь и бутылку первача.
Удалой казак куражиться не стал.
Съел закуску и бутылку опростал,
Тут же фляжку опорожнил заодно
И улегся на хозяйкино рядом.
Молодица мигом двери на крючок
И нырнула постояльцу под бочок,
Обняла его, аж захватило дух...
Вдруг о полночь во дворе пропел петух.
Зашатался ветхий хутор, задрожал,
Во дворе с испугу добрый конь заржал.
Видит парень — тени бродят по стене.
Черт! Да это же хозяйка на метле.
Вместо кос седые космы у нее,
Вся в морщинах, как дубовое корье,
Ухмыляется и манит казака,
А в беззубом рту желтеют два клыка.

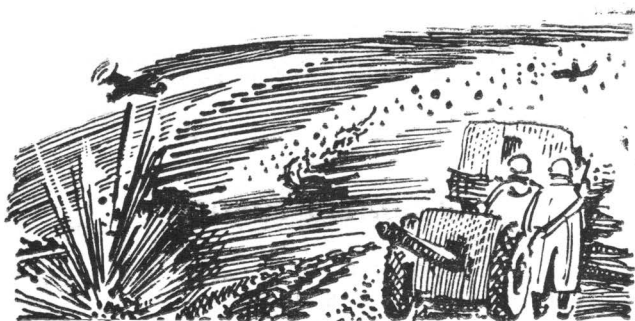
Подскочил казак в чем мама родила,
А хозяйка прыг на плечи со стола.
Шею крепкими ногами обвила
И уже вставляет в зубы удила.
Но уж этого казак стерпеть не мог,
С плеч своих за космы ведьму поволок.
Не бывало на честной Руси пока,
Чтобы ведьма оседлала казака.
Он чело святым крестом перекрестил
И кулак на темя ведьмы опустил,
А потом еще добавил по горбу.
Тут хозяйка на метлу да шась в трубу.
А казак вещички наскоро собрал,
Оседлал коня, поводья подобрал,
На скаку вскочил в черкасское седло
И погнал коня в родимое село.
Лихо скачет Диким полем наш казак.
Сам нет-нет да и оглянется назад.
То ли стебли камыша шуршат во мгле,
То ли ведьма догоняет на метле?

Я БОЛЕЮ ТОБОЙ

Ни о чем не скорблю.
Об ушедших годах не жалею.
Если только мы вместе,
 то нам и беда — не беда.
Я не просто люблю,
Я тобою смертельно болею
И без доктора знаю,
 что это уже навсегда.

Не всегда голубой
Свет небесный над нами струится.
Сотрясают порой
 наш очаг штормовые ветра.
Я болею тобой
И совсем не желаю лечиться —
Эту странную хворь
 не умеют лечить доктора.

Пролетели года.
Свет от лампы оранжевым кругом
Позолотой ложится
 на белое поле седин.
Мы вдвоем, как всегда,
Нам вовек не расстаться друг с другом,
Потому что у нас
 изначально диагноз один.

Гаврилыч

(поэма)

1

Впервые мы увидели его,
Когда он за себя Надежду сватал.
Плечист и скромн, в общем, ничего,
Хоть с головы до пяток конопатый.

Едва успели свадьбу отвести,
Сестренка укатила на работу,
А зять у нас остался погостить,
Пообещав жене прибыть в субботу.

Семь человек, а комната одна.
Спать негде, хоть устраивай полати,
Поэтому мать постелила нам
Постельку от кровати до кровати.

Три года зять успел провоевать,
 Во сне обстрел привиделся некстати.
 Он, как в блиндаж, скатился
 под кровать —
 Не дай Господь, опять шрапнелью
 вкатыт.

Очнулся в полной тьме и тишине.
 Вновь фронтовые раны засадили.
 Привстать не смог. Пошарил по стене...
 И понял — снова взрывом завалило.

Он стукнул по доске над головой,
 Рванулся, закричал, что было силы:
 — Ребята! Помогите! Я живой!
 Я не убит, меня лишь завалило!

Услышав крики, мама свет зажгла
 И путь на волю зятю осветила,
 Все материнским сердцем поняла
 И ласково его перекрестила.

Ущербный месяц заглянул в окно...
 Так до утра мы больше не заснули,
 И почему-то было не смешно,
 Как будто мы войне в глаза взглянули.

2

Каникулы! Счастливая пора!
 Вовсю трещат январские морозы.
 Блестит под солнцем Лысая Гора.
 В роскошных кружевах стоят березы.

Надели пихты белые жабо
 И замерли в торжественном покое.
 Снег завалил сугробами забор
 И избы утопил в снегу по пояс.

Каникулы! Катание с горы
И гонка по накатанной дороге...
А новые «снегурки» так быстры
И так легки, неутомимы ноги.

Гаврилыч собирается домой.
До Шерегеша километров тридцать,
Да на попутках, да еще зимой,
Когда мороз нешуточный ярится.

Меня, как говорится, занесло:
— Мам, можно я с Гаврилычем поеду?
На улице ведь только рассвело.
Глядишь, приедем в Шерегеш к обеду.

Гаврилыч меня сразу поддержал.
Вдвоем мы дружно взяли мать в осаду,
А у меня и голос задрожал...
— Езжайте, коли нету с вами сладу.

На трассу вышли ровно к десяти
И до полудня терпеливо ждали,
Но оказалось — всем не по пути, —
А может, просто день не угадали.

Гаврилыч — трезвый, или под хмельком —
Уж если обещал, то в срок вернется.
— Пойдем-ка, брат, до Кондомы пешком,
А там, глядишь, попутка подвернется.

На Лысую взошли по целине.
По лысине — горбатая тропинка.
Идти по ней, что плавать на бревне.
Со стороны — забавная картинка.

С машинами опять не повезло —
Не видно ни попутных, ни навстречу.
Мороз все злей, но нам пока тепло —
Согрела Лысая Гора не хуже печи.

У зятя шаг не спешен, но широк.
Утратив все надежды на машины,
Так и идем под трескотню сорок,
А солнце уж садится за вершины.
Глубокой ночью, в темень и мороз,
Все в куржаке перед сестрой явились.
Без пререканий вынесли разнос
И спать, едва раздевшись, завалились.

3

Нескорый, но пришел зиме конец.
Уже забыты лютые метели.
Весна ведет природу под венец.
К родным гнездовьям птицы прилетели.
Зазеленела, зацвела тайга.
Чарует аромат хмельной и пряный.
Земля, впитав глубокие снега,
Цветным ковром украсила поляны.
Черемуха невестой расцвела.
Гудят шмели над белоснежным чудом.
Вода в ручьях прозрачнее стекла,
А зелень отливает изумрудом.
Весна в тайгу на промысел зовет,
И вот уж разноликою гурьбою
Добытчики отправились в поход
За белой таинзинскою колбою.

Гаврилыч часто брал меня в тайгу,
В кедровник, на рыбалку, на охоту...
Ночами у костра на берегу
Он перед сном рассказывал мне что-то.
Пристроив рюкзачок под головой,
Окутываясь дымом сигаретным,
Он говорил о жизни фронтовой,
О времени и страшном и заветном.

Над полем боя смрад и черный дым,
Подбитых танков серые громады.
Двум салажатам самым молодым,
Оглохшим от недавней канонады,

Дает команду ротный командир
Пробраться в неподвижную махину
И не давать — пусть даже рухнет мир —
Фашистам ночью утащить машину.

Пошли, как только начало темнеть,
Переползли разорванные траки,
Пролезли в люк, стараясь не греметь,
И замерли в мазутном тесном мраке.

Сгущалась тьма. Царапал душу страх.
Тихонько начали подрагивать колени.
Казалось, что во тьме крадется враг
И где-то рядом шевелятся тени.

Чтоб страх преодолеть, без лишних слов
Под днище танка змейками скользнули
И прямо в темноту из двух стволов
Очередями длинно полоснули.

Ох, мать честная! Что тут началось!
С шипением ракеты ввысь рванулись.
Казалось, небо пламенем взялось.
Над полем трассы струями схлестнулись.

Проснувшись, плюнул миной миномет.
Захлебываясь, били автоматы,
На фланге надрывался пулемет,
С противным треском лопались

гранаты...

Нелепый бой гремел почти всю ночь.
Когда ночная мгла чуть-чуть поблекла,
Ребята шустро устремились прочь,
Спеша скорее выбраться из пекла.

А утром оба, стоя по струне,
О целости объекта доложили.
За храбрость и за выдержку в огне
От ротного награду заслужили.

4

Наверное лет пять иль шесть спустя,
Пришел на «Зимовье» к сестре и зятю —
Давно я не бывал у них в гостях —
Со мною увязался мой приятель.

Гаврилыч, посмотрев ему в лицо,
Вдруг побледнел и, крепко стиснув зубы,
Позвал меня с собою на крыльцо
И там сказал, хоть твердо, но не грубо:

— Ты, Шурик, с кем угодно приходи.
Тебе всегда мы рады в доме нашем,
Но парня больше к нам не приводи —
Мне жизнь чуть не сломал его папаша.

И вновь ему привиделась война.
Солдат под окровавленной шинелью
Лежал, скрипел зубами и стонал
Иссеченный фашистскою шрапнелью...

Потом полгода боли, крови, мук...
Дороги, госпитальная карболка
И костылей глухой, печальный стук
По улицам сибирского поселка...

Вернувшись инвалидом в двадцать лет,
Издерганный страданием и болью,
Он принят был секретарем в Совет
(Куда еще возьмут с таким здоровьем?)

Начальник «под броней», не фронтовик,
Держался с пареньком спесиво, грубо,
По пустякам подняв однажды крик,
Назвал его презрительно «обрубок».

Солдат мгновенно помертвел лицом,
Забился нерв над впалою щекою.
Рванулся от стола за подлецом,
Схватив тесак, лежавший под рукою.

Начальник, взвизгнув, бросился бежать,
Укрыть свой страх за дверью кабинета,
Закрыв ее, успел спиной прижать
И вставить в скобы ножку табурета.

Солдат таранил запертую дверь,
А боль от ран сознание помутила.
В отчаянье, как разъяренный зверь,
Вонзил тесак в квадрат из дерматина.

И тишину прорезал дикий вой,
Исполненный жестокой боли, страха,
Солдат потряс гудящей головой.
Мгновенно взмокла на спине рубаха.

Отбросив окровавленный тесак,
Прислушиваясь к жалобному стону,
Солдат промолвил тихо: «Все не так». —
И, помрачнев, подался к телефону.

Заскрежетал судебный аппарат...
Два года, но условно (по здоровью),
За то лишился фронтовых наград,
Оплаченных его солдатской кровью.

Дверь негодяя все-таки спасла.
С тех пор солдат с ним больше
не встречался.
Тогда же он уехал из села,
Но шрам на сердце навсегда остался.

5

Потом нас жизнь надолго развела.
Меня судьба шахтерская прельстила,
Его сманила суета села,
Да так до смерти и не отпустила.

Гонял в тайгу совхозные стада
Кормиться на таежных травостоях,
Когда же наступали холода,
На ферме скот кормил и чистил в стойлах.

А время шло. Росла моя семья.
Заботы отнимали время, силы.
Все реже посещал я те края,
Где жил с семьей стареющий Гаврилыч.

Все дальше уходили дни войны.
Терялись в прошлом города и страны.
Все реже снились фронтовые сны,
Все чаще ныли фронтовые раны.

Но иногда, проснувшись по ночам,
Когда сжималась грудь от дикой боли,
Он снова вспоминал однополчан
И очень ясно слышал грохот боя.

Он слышал «мессеров» над головой
И грохот танковых колонн в Карпатах,
И падающих мин противный вой,
И злобный перелай «сорокопятки».

И снова был он крепким, молодым,
Шагал с полком по фронтовым дорогам
Сквозь все преграды, сквозь огонь и дым,
В семнадцать лет в войну шагнув с порога.

Ох, как непросто пареньку пришлось,
Сбивая пыль с Европы сапогами.
Считай, в могиле побывать пришлось
И даже не одной, двумя ногами.

Под Курском где-то или под Орлом
Накрыла их с товарищем бомбежка.
Тогда их часть стояла за селом.
Вокруг ни кочки. Поле, как ладошка.

За краткий миг все кануло во тьму
И небеса обрушились на землю.
Все рушилось в тротиловом дыму,
А взрывы били, как кувалдой, в темя.

Припав лицом к обугленной стерне,
Вжимаясь в землю потными телами,
Лежат друзья, а взрывы все сильней,
Все ближе рвется яростное пламя.

А мысль, как птица бьется: «Все! Хана!
Прощайте. Мама, ждите похоронку!»
Рвануло рядом. Мощная волна
Швырнула их в глубокую воронку.

Об этом можно было лишь мечтать.
Спасенные бойцы переглянулись
И принялись так дико хохотать,
Как будто бы от радости рехнулись.

Их корчило до колик в животе.
Они катались, бились, как в припадке,

Уже сводило мышцы челюстей
И боль штыком входила под лопатки.

А над воронкой бесновалась смерть
И все живое в клочья разрывала,
Смешала в дикой злобе плоть и твердь,
Но до солдат уже не доставала.

И вдруг, как будто лопнула струна,
Как будто трос натянутый порвался,
Повисла гробовая тишина...
И дикий хохот сразу оборвался.

Крутнув друг другу пальцем у виска,
Присели покурить на край воронки...
— Держитесь, Мама! Поживем пока!
Не к нам в село отправят похоронки.

6

Есть на Алтае дивные места,
Особенно мне полюбилась Бня,
Вода здесь удивительно чиста,
А небеса такие голубые!

Здесь воздух пахнет лесом и рекой,
Он прибавляет бодрости и силы,
В природе удивительный покой,
А люди непосредственны и милы.

Я приезжал сюда с детьми, с женой,
Но изредка и, так сказать, набегом
Поплюхаться в водице ледяной,
Зимой — полюбоваться чистым снегом.

Сестра писала в письмах иногда,
Что стало трудно, убывают силы,
Что подгоняют к старости года,
Все чаще стал прихварывать Гаврилыч...

И вот вчера с Алтая весть пришла:
В родне у нас тяжелая утрата —
Безжалостная смерть подстерегла
И доконала старого солдата.

Покинул мир еще один солдат,
Уснул навек, глаза сомкнув устало,
Наверное не даром говорят,
Что есть усталость даже у металла.

А ты пешком прошел сквозь всю войну,
Сквозь смерть, огонь и грохот канонады,
Живым вернулся, отстояв страну,
Принес домой и шрамы, и награды.

Ты никогда об этом не кричал,
Прошений не писал и льгот не кланчил,
В грудь кулаком с надрывом не стучал,
Обиды в сердце не копил, не нянчил.

Ты просто жил среди простых людей.
Пока не потеряли силу руки
Работал на земле, растил детей,
Уж выросли на радость деду внуки.

Ты умер. Очень горько сознавать,
Что я тебя уж больше не увижу
И не смогу «за жизнь» потолковать
С тобой, Гаврилыч, добрый зять мой
рыжий.

И никогда не слышать больше мне
Твоих, порой жестоких, без прикрасок
Воспоминаний о былой войне
Или смешных охотничьих побасок.

Не почевать в тайге у костерка,
Соорудив из лапника шалашик,
Не есть из фронтового котелка
Припахивавшей дымом пшенной каши.

И очень горько и обидно мне,
Что вас, в бою погибших и умерших

После Победы, а не на войне,
Теперь все больше, а живых все меньше.
Вдвойне обидно, горько, что о вас,
В войне испивших лиха полной чашей,
Заботятся и помнят в трудный час
Не Родина, а лишь родные ваши.

Мне очень жаль заканчивать рассказ
На этой грустной и печальной ноте,
Но в памяти у каждого из нас
Вы горький след потерь войны найдете.
Потери эти нам всегда горьки.
Все бrenно в этой жизни быстротечной.
Уходят в мир иной фронтовики,
Так пусть хоть память остается
ВЕЧНОЙ.

СОДЕРЖАНИЕ

Судьба шахтерская

Шахтеры — замечательный народ	5
«Не мани меня, степь...»	7
Стоит стать шахтером	8
Тоскливая песня	9
Цена дешевого угля	10
«Перешагнув через порог...»	11
Застольная	12
Обрести лицо	13
«Спокойно что-то в „угольной структуре”...»	15
Шахтерское братство	16
Млечный путь	17
У порога	18
Агония	19
Мираж	21
Мужчины особого склада	22
Память	23
Раскрытая тетрадь	24
Шестидесятая верста	25
Рождество	26
Падает снег	27
Воплощение мечты	28
Поют колеса	29
Вечность	30
На переправе	31
Мое счастье в России	32
Последний автобус	34

Кружится смерть над головой

Жертва	35
Бог не выдаст	37
Воспоминание о Дне Победы	39
Дуэль	41

Две вести	42
Разве думал солдат?..	44
Богатырские заставы	45
Покинутые	46
Русский солдат	47
Вороны	48
О чем звенят медали?	49
Агрессия	51
Минута молчания	52
На тонком льду	53
«Дворцы и лачуги в руинах лежат...»	54
Размышляй о жизни	55

...Гаснет нации русской свеча

В кольце	57
Разговор с Нахимовым	59
Не важно, какой у Державы герб	61
Власть	63
Власть и мы	64
Учение для развлечения	65
На грани	66
Проклятие России	67
Русская Атлантида	69
Страх	71
Чужой хомут	73
Кружит воронье	74
Воздушный шар	75
Сомненье	76
Нищий	77
Кресты	78
Я верю...	79
«В наш мир одинаково люди приходят...»	80
Гудят провода	81
Пусть будет светлое начало	82
Птица	84
Чтоб так и было	85

Места, знакомые до боли

А я приезжал к ней...	86
Когда звучат слова любви...	88
Вишня зацвела	89
Деревня	90
Бегут поезда	91
Одинокий прохожий	92

Мечта	93
У вагонного окна	95
Дети «кукушек»	96
Размолвка	97
Что такое любовь?	99
Лебединая песнь глухаря	100
Туман	101
Дед вспоминает	102
Огородник	104
Охота	106
Зимние березы	107
Урок астрономии	108
Плата за дерзость	109
«Палач»	110
Женьшень	112
На узкой тропе	113
В кедраче	115
Тополь	116
Издержки эволюции	117
Плачет за окнами осень	119
Гроза	120
...А что тут поделаешь? Осень	122
Прости	123
Ненастье	125
Домой	126
Бабье лето	128
Вовка	129
Уходит осень	131
Седьмое марта	132
Осенняя слякоть	133
Октябрь-обманщик	134
Ночлег	135
Я болею тобой	137

Поэма

Гаврилыч	138
--------------------	-----

